

Женщина-
АПЕЛЬСИН

НИНА ВАСИНА

Женщина-
АПЕЛЬСИН

2014

Следствие ведет Ева Курганова

Нина Васина

Женщина-апельсин

«Автор»

1998

Васина Н.

Женщина-апельсин / Н. Васина — «Автор», 1998 — (Следствие ведет Ева Курганова)

Сексуально притягательная и профессионально недостижимая следователь отдела убийств Ева Курганова пытается победить зло в одиночку. Расследуя дело о порнофильмах с участием вампиров, Ева обнаруживает, что кровавые убийства девушек в этих фильмах были отнюдь не киношным трюком. А тот факт, что из тюрьмы готовят побег киллеру номер один, приводит ее в ярость. На минуты опережая липовый побег, Ева решает сама вершить правосудие...

© Васина Н., 1998

© Автор, 1998

Содержание

Часть I	5
Вторник, 15 сентября, утро	5
Вторник, 15 сентября, вечер	7
Среда, 16 сентября, утро	10
Четверг, 17 сентября, утро	14
Четверг, 17 сентября, вечер	19
Пятница, 18 сентября, утро	27
Пятница, 18 сентября, вечер	35
Понедельник, 21 сентября, утро	39
Понедельник, 21 сентября, вечер	42
Вторник, 22 сентября, утро	47
Вторник, 22 сентября, вечер	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Нина Васина

Женщина – апельсин

Женщина способна чувствовать мир только внутренностями. Поэтому в жестокости она безрассудна, в страхе непредсказуема, а в любви глупа. Или...? Те, что мнят себя знатоками женщин, могут переставить слова.
Ангел Кумус, магистр

Часть I

Две недели из жизни Евы Кургановой, или Большие проблемы отдела по расследованию убийств

Вторник, 15 сентября, утро

Ева Николаевна пришла на стрельбище простуженная. Опоздала буквально на минуту, и майор Николаев взял ее любимые заглушки. Она погрозила кулаком ему в спину. Примеряя неудобные наушники, выслушивала насмешки коллег. Присмотрела новенького опера. Он стеснялся разглядывать ее в упор, прятал глаза.

– Евуся, покажи класс!

– Она теперь по другой специализации... по интимной части!

– А ты, к примеру, даже если очень захочешь, арестанта не шлепнешь, вот тебе и пример женского равноправия!

– А если я стану ну о-о-ч-ч-ень симпатичным?!

Коллеги перебрасывались шуточками по поводу происшествия на прошлой неделе. На Еву Николаевну напал прямо в комнате для допроса рецидивист и убийца Левша, статья ему шла лет на десять. А юбка у Евы Николаевны была сантиметров на десять короче положенного. Демонстрируя подследственному отпечатки его пальцев, отвратительно сфотографированные, Ева подпустила его близко к столу. Левша ногой опрокинул ее стул, и Ева Николаевна приложилась головой об пол. Руки у Левши были в наручниках, он сел сверху ей на живот и разодрал ворот рубашки, больно обхватив груди руками. Плохо видя сквозь пелену боли, Ева отметила профессионализм его хватки: ногами Левша крепко зажал ее руки. Ева сконцентрировалась, сцепив зубы, крутанулась под ним, выхватила пистолет и всадила в упавшего Левшу пулю из табельного оружия. Когда дверь распахнулась, она сидела на полу, закрыв голову руками. Ее отвели в комнату отдыха – есть в тюрьме и такая, все были так любезны, еще полчаса спустя приходили друг за другом пособолезновать и успокоить. Считай, что весь персонал посочувствовал. И только выпив чаю, Ева вдруг поняла, что так и просидела с разодранной на груди блузкой.

С тех пор она постоянно натыкалась на насмешки, хотя в ее Управлении все поздравляли Еву с таким удачным завершением дела Левши. Очень трудно ловился. Удивительно легко получал незначительные сроки.

Сейчас Ева с удовольствием прислушивалась к высказываниям по поводу своей меткости.

– Евуся, ты сегодня больше семерки не выбьешь, нет, – это Николаев снял ее заглушки и подмигнул остальным, подзадоривая.

Ева выложила восемь выстрелов один в один на семерке. В основном все уже привыкли, только новый опер рот открыл рот и уставился на единственную разодранную дырочку.

– Так неинтересно, все ей, и Левшу она приложила, и стреляет лучше всех, и летом ей не жарко...

– А ты подрежь свои брюки повыше, не будешь жаловаться...

– Я бы и подрезал, будь у меня такие ножки...

– Ну, будь у тебя такие ножки, ты бы и Левшу приложил...

– И еще третий на восемьдесят один...

– Да, и третий на восемьдесят один.

Ева только вздохнула. Она не носила бюстгальтер.

Отстрелявшись, Ева зашла в кабинет за папками с делами и, стуча каблучками, так прошла мимо дежурного и двух офицеров, что сама себе понравилась.

К заместителю прокурора была очередь, но, провозжая нужного посетителя, Хорватый заметил ее и кивнул головой, приглашая в кабинет.

– Цветете, Ева Николаевна? Мне тут психолога прислали в управление. Вы случайно не испытываете душевного кризиса?

– Не испытываю, – Ева улыбнулась.

– Может, у вас раздвоение личности?

– Не присутствует. Я натура цельная.

– А как с личной жизнью, позвольте спросить, без проблем?

– А я девушка одинокая, нет личной жизни – нет и проблем.

Хорватый смущенно замолчал.

– Еще вопросы будут? Разрешите идти?

– Дела готовы. Что ж, идите, конечно, да, чуть не забыл, вы у меня дело Прохора вели, ну, разбойное нападение, помните?

– Так точно, вела.

– У вас сегодня допрос.

– Я допрошу его как свидетеля, у него ведь уже срок. Такой ужасный срок – год исправительных работ. Может, вы помните, статья ему светила лет на десять? Вся моя работа насмарку!

– Так вот что я хотел сказать, – Хорватый словно не заметил ее возмущения. – Если вам не нужен психолог... да, если у вас после происшествия с Левшой все в порядке, вы уж побеспокойтесь о собственной безопасности. И о безопасности осужденного тоже, – вдруг добавил он.

– Я постараюсь.

Ева вышла из кабинета Хорватого с испорченным настроением.

Вторник, 15 сентября, вечер

В четыре часа дня Ева приехала в Лефортово, прошла пропускники. Охранник придирчиво осмотрел ее сумку и папку с бумагами.

– Оружие, – проронил он, не глядя в глаза.

У Евы екнуло сердце. Она отстегнула кобуру, протянула охраннику табельное оружие и спросила:

– А в чем дело?

Еще в кабинете Хорватого она почувствовала, что что-то не так, и сейчас ее личный маленький «вальтер» был пристегнут резинкой с внутренней стороны бедра. Охранник, не отвечая, жестом приказал ей поднять руки в стороны и, краснея, провел ладонями вдоль тела.

– В комнате для допросов установлена видеочамера, – наконец пробубнил он. – Объектив направлен на подследственного, по малейшему неправомерному действию с его стороны, угрожающему вашей безопасности, к вам будет направлена группа быстрого реагирования.

– Понятно. Значит, группа...

Охранник задумчиво разглядывал вещи из ее сумочки. Он взял яркий и совершенно неуместный среди пачки с сигаретами, носовым платком, зажигалкой и двух ручек апельсин, повертел его в руках и опустил в сумку.

Глядя сквозь две решетки, Ева подождала, пока в камеру для допросов проведут Прохора. Прохор тоже увидел ее и гнусно ухмыльнулся.

– Где у вас монитор? – вдруг спросила Ева охранника.

– В соседней комнате. Подсудимый уже в камере.

В допросной Ева сначала попробовала стул у стола. Он был привинчен. Прошла по камере, осмотрела решетки. Стукнула ногой по ножке стула Прохора, хотя он тоже должен быть вделан намертво. Заметила объектив камеры. Повернулась к нему спиной и показала Прохору быстро бегущий между зубами язык. Вернулась на свое место.

На лице Прохора отразилось такое недоумение, что Ева с трудом сдержала смех.

Прохор был интеллигент. Недоумение разрушило благородство его лица, а два месяца тюрьмы сделали его одутловатым и слегка тупым. Ева давно замечала, что тюрьма сравнивает лица. Она вела следствие с одним человеком, а в тюрьме видела уже подогнанный рукой судьбы стандарт.

– Опух ты, Прохор, а был такой красавец... – заключила она вслух.

Недоумение Прохора усилилось. Он заерзал, не зная, как себя вести.

– Я к тебе с допросом.

– Догадался, что не в гости, – пробормотал он.

– Подарок я принесла, – Ева бросила к его ногам открытую пачку сигарет. – Поднимешь потом, не дергайся.

Такие вещи не разрешались, хотя вполне допускались охраной тюрьмы. Еву Николаевну было трудно в чем-то заподозрить, она никогда не приносила на допросы нераспечатанные пачки.

– Давай еще раз пройдемся по августу прошлого года... К тебе приехал напарник... Из Тулы...

– Не напарник он мне, – быстро сказал Прохор.

– Чего ты ершишься, ты ведь уже сидишь. Да и не интересуется меня твой напарник. Меня интересуется его девушка, ну, помнишь?

– Обычная, платная, что в ней интересного.

– Как она себя вела?

– Ну, как... Как себя ведут эти, не знаешь, что ли? Пришла. Разделась.

- Что, прямо с порога – и разделась?
- Ну, не с порога, я еще спросил, чего белку привели?
- Это в каком смысле – белку?
- Это в смысле, что я блондинок не люблю, от них одни неприятности...
- То есть ты предпочитаешь брюнеток.
- Ну! – уже совсем не понимая, к чему клонит следователь, с удивлением откликнулся

Прохор.

– Так... а тебе, значит, привели блондинку... Что ж этот, из Тулы, не знал, что ты любишь брюнеток?

– Почему... Кот знал, да только ему было не до выбора... А что она сделала?

– У Кота было мало времени? – Ева пристально смотрела в глаза Прохору.

– Для чего... мало? – он стал потеть.

– Чтобы выбрать тебе брюнетку...

– Да он себе ее привел, говорит, удачно так дело вышло... Да что она сделала-то? Надо, говорит, оттянуться...

Ева расслабленно откинулась на спинку стула, закинула ногу на ногу. Прохор, шумно сглотнув, уставился на ее ноги.

– А что, Прохор, если б Кот привел такую... Ну, как я, к примеру, темную, не соплячку, а с пониманием мужских проблем...

– М-м-м, – Прохор, почувствовав неладное, заерзал, вытер лоб рукой. – Вы в этом смысле – не товар.

– Это почему я не товар? – Ева резко выпрямилась. Прохор от неожиданности дернулся.

– Ну не товар, и все. Умная больно... и потом, надо себя подать, нет, я не пойму, что это за допрос такой?!

– Да, Прохор, ты меня просто заводишь. У меня теперь такая манера вести допрос. Ну так как, запал бы ты на меня?

Прохор зажмурился и сильно задергал головой из стороны в сторону.

– Да не дергайся ты, смотри, что у меня есть.

Ева достала из сумки апельсин. Приложила его ко лбу, провела вниз по лицу по линии носа и рта. Опустила под подбородок и стала раскручивать на груди.

– Это апельсин, – произнесла она шепотом.

Прохор смотрел, открыв рот, и не шевелился.

– Просто апельсин, а смотри, что я делаю, – Ева Николаевна спустила апельсин вниз по животу и, расставив ноги, запрягала его под юбку, а ноги сжала. – А теперь – фокус!

Она расставила ноги. Апельсин лежал между ее ног, словно в черном гнезде из темных колготок и синей форменной юбки.

Прохор вскочил со стула, сделал два шага. Его замусоленные просторные брюки оттянулись под животом и словно волокни его вперед за невидимую ручку. Он успел заметить повязку на одной ноге Евы. И странно, даже успел подумать, что так, вероятно, баба и прячет пушку, если... надо...

Охранник у монитора заметил неладное еще в начале допроса, позвал старшего. Вдвоем они смотрели на изумленное лицо Прохора.

– Чегой-то он уставился, как на привидение. Она же вела его дело. Смотри, потеет, черт. А что она делает?

– Техника не доработана. Надо бы видеть всю камеру.

– В Бутырке видят всю камеру, так с мордой проблема, морды не видно вообще.

– Зато здесь морда в полный рост. Раскручивает его, ишь, нервничает. Она мастер раскрутки, вроде говорит, говорит о чем-то, а потом так ненароком... Что это у него в штанах? В

чем дело?! Ищенко! В камеру! – крикнул старший через коридор, Ищенко бросился к двери одновременно с выстрелом.

С Евой Николаевной случилась истерика, ее кое-как успокоили, вызвали машину и отправили в управление. Прохор все еще лежал в допросной камере с аккуратной дырочкой во лбу. На полу валялась открытая пачка сигарет, оранжевый апельсин и стреляная гильза.

– Он все еще стоит... Он все еще стоит, – повторял без конца охранник, стоя возле трупа, иногда для разнообразия добавляя, что лично обыскал и осмотрел следователя.

Хорватый приехал в Управление сразу после Евы Николаевны, ему позвонили из тюрьмы. Ева сидела у себя в кабинете, размазывая по лицу слезы. На столе лежал ее браунинг. Увидев Хорватого, она встала по стойке «смирно» и заявила, что ей позарез нужен психолог.

Среда, 16 сентября, утро

Еву разбудил телефонный звонок. Она сонно пошарила рукой по полу, потом поняла, что телефона у кровати нет. Не открывая глаз, прошла босиком в кухню.

«Какой придуток звонит? – она вытаращила глаза в полумраке, разглядела 4.30 на электронных часах. – В полпятого утра!»

Телефон настойчиво и приглушенно продолжал трезвонить где-то рядом, но в кухне его не было.

«И кто это у нас такой терпеливый, ты подумай, какой лапочка, ждет и ждет». Ева включила свет в ванной, телефон ударил в глаза ярким красным пятном на белом кафеле пола.

– И что такое случилось? – она не сразу взяла трубку, ей казалось, что все, последний звонок, но телефон стойко надрывался.

– Беда случилась у меня, детка. Большая беда, – голос был глухой и спокойный.

– Ноль два – милиция, ноль три – «Скорая помощь», – Ева не узнала голос и успокоилась. Со злостью грохнула трубкой.

«Ставлю два к одному, сейчас зазвонит снова».

Прошло пять минут.

– Два ноль в твою пользу, – сказала Ева телефону, выключила свет и побрела в комнату, уговаривая себя заснуть.

Телефон зазвонил, когда она, повертевшись как следует, избила подушку и затихла.

– Так нечестно! – Ева быстро прошла в ванную, взяла аппарат, прижимая трубку, притащила его в кровать.

Телефон прозвонил пятнадцать раз.

– Слушай, ты кто, а? – Ева говорила ласково.

– Беда у меня, понимаешь. Друга моего застрелили. Сучара одна ментовская.

Тишина. Ева слышит громкое дыхание.

– А что ты так дышишь, простыл?

– Чего? – Голос растерялся.

– Я говорю, что ты носом так сопишь, ходишь без шапочки, лысинку простудил? Или девочку поймал под утро?

– Слушай, ты... Ты мне тут не того... Я говорю...

– Да слышала я, пристрелили твоего дружка, я даже подозреваю, что это я та самая сучара, но что поделатъ, нервы сдали. Вот так, дорогуша. Работа у меня нервная. Вот ты мне спать не даешь, я с утра буду злая, глядишь, еще одного твоего дружка допрашивать пойду такая расстроенная. Так что ты лучше побеспокойся о моем здоровье.

– Это кого ты пойдешь допрашивать! – Голос приобрел командные нотки и явный оттенок возмущения.

– Слушай, дорогуша, я девушка нервная, не кричи на меня, меня и так никто не любит, – Ева вполне натурально всхлипнула, – а все только и норовят потрогать.

На том конце бросили трубку.

Ева легла, раскинув руки в стороны. Она смотрела в светлеющее окно сначала напряженно и нахмурившись, потом расслабленно полуприкрыв глаза. Потом ей показалось, что утро можно потрогать руками, она помотала из стороны в сторону головой – «нет... не буду... не трону такое противное утро» – и побрела варить кофе.

В Управлении она появилась бодрая, с легким официальным макияжем. Расписавшись в журнале, процокала каблучками по паркету, словно заколачивая секунды – не спеша и с достоинством. На пятиминутку все собрались в кабинете старшего следователя, при ее появ-

лении притихли, мужчины озабоченно уткнулись в свои папки, две женщины бальзаковского возраста смотрели на нее во все глаза.

– Демидов! Гена Петрович, дружок, что-то ты не выспался.

– Курганова, я бы вас попросил. Что за панибратство?

– Да я только хотела поинтересоваться, тебя, что ли, назначили старшим в комиссии по расследованию?

Демидов машинально провел по седому ежику на голове и огляделся: все присутствующие с интересом уставились на них.

– Сейчас будет пятиминутка, вам все объяснят.

– Да я и так все поняла. Я тебя, Демидов, сразу узнала, ты так характерно посапываешь, когда меня видишь, ну, знаешь, так...

Ева увлеченно засопела, скорчив смешную заячью мордочку.

В кабинет вошел Хорватый, заметил тишину и странный интерес к паре в углу комнаты и не торопился начинать собрание, хотя Демидов и посмотрел на него с надеждой.

– Ты, Демидов, даже по телефону на меня западаешь, – не могла остановиться Ева, – сразу начинаешь сопеть, и потом, что это за жаргон такой – «сучара», ты походи на допросы, просто для интереса, послушай, как ругаются наши подопечные, если уж хочешь изобразить прожженного уголовника. А то все по комиссиям ошиваешься. Ты когда на захват последний раз выезжал?

– Ева Николаевна, вы не волнуйтесь так, я по голосу слышу, вы опять чем-то расстроены, а нам пора начинать собрание, – Хорватый решил прекратить представление. – Вдруг разнервничаетесь, чего доброго, пальнете пару раз, – он призывно усмехнулся, оглядывая собравшихся. Никто не засмеялся. – Я вижу, все уже настроились работать, и сообщаю, что создана комиссия по расследованию убийства, совершенного Евой Николаевной Кургановой на допросе. Старшим в комиссии назначен Демидов Геннадий Петрович.

После пятиминутки Еву догнал в коридоре Николаев.

– Тебя отстранили от дел?

– Не должны были, ведь все ясно...

– Ясно-то ясно, но комиссия может и три месяца разбираться, как там все было. Ты не в курсе, а они туда двух психологов ввели, там одних тестов на неделю, потом неделю на компьютере обрабатывают, да и Демидов знаешь как любит заседать и расследовать подобные вещи... «Вы, случайно, не имели личного предвзятого сугубо интимного отношения к подсудимому?..» – Николаев изобразил Демидова, сопя и причмокивая. Ева засмеялась.

– Ладно, не тяни, чего ты хочешь?

– Отдай мне дело Слоника. Лучше уж мне, а то ведь – сменят следователя, все испортят.

– Да ты!.. – Ева замахнулась папками на Николаева. – Не попадайся ты мне под руку с такими словами, я два года его пасу, я его, родного, уже полюбила, не сегодня-завтра его возьмут.

– Что ты орешь?! – Николаев толкнул Еву к лестнице и прижал к стене. – Ну ты же не дура, ну прикинь, кому его отдадут, ну?! А я с тобой всегда смогу поговорить по-дружески, обсудить, когда, где и зачем, понимаешь. Я все знаю, ты провела расследование блестяще, ну поставлю тебе бюст в подъезде, но мы же с тобой одной крови, пойми. Я, кроме тебя, могу еще троих назвать, кто работает не за деньги, а за интерес. Ладно. Расслабься. Подумай. – Николаев убрал руки, которыми он упирался в стену, задерживая Еву. – У тебя и так трудный день сегодня. Слушай, ты что, выше меня? – Он отошел на шаг и улыбнулся растерянно, оглядывая ее сверху вниз.

– Метр восемьдесят плюс-минус пять сантиметров, – гордо объявила Ева.

– А это... плюс-минус, это как? Это если распрямишься?

– Ну ты, сыскарь, шевели мозгами быстрее, – Ева уходила. – Это каблуки всего лишь. Всего лишь каблуки! – прокричала она уже с верху лестницы.

Николаев звонко шлепнул себя по лбу.

«Ева Николаевна Курганова, следователь специального отдела по борьбе с особо опасными преступниками, старший лейтенант, русская, не замужем, 25 лет, в отделе – 3 года, отличница боевой подготовки, нравственные показатели – 8, контактность – 9 (десятибалльная шкала), личных связей в отделе и Управлении не замечено. 7 сентября сего года застрелила из табельного оружия в следственном изоляторе Лефортовской тюрьмы Левакова Игната Кирилловича (он же – Левша, Рукастый, Левка, Игнус). Мотив: нападение Левакова И. К. во время допроса с применением физического насилия сексуальной направленности. Свидетели... От услуг психоаналитика отказалась.

15 сентября сего года застрелила из личного оружия в Лефортовской тюрьме на допросе Пушкарева Прохора Львовича (он же – Прохор, Хромой, Умник). Мотив: попытка нападения Пушкарева П. Л. Свидетели...

Согласилась освидетельствоваться у психоаналитика.

Освидетельствование проведено 16 сентября в 14 часов. Анкета заполнена и сдана 16 сентября в 17 часов 30 минут.

Контактна.

– Как вы воспринимаете свою личную жизнь, будучи не замужем?

– У меня много друзей, почти все свободное время отнимает работа. (В пред. нормы.)

– Опишите предпочитаемый вами образ мужчины.

– Вымышленный? Ну... Прежде всего выше меня. Потом, достаточно добрый и спокойный. (Задержка с ответом – 12 секунд.)

– А как он должен выглядеть внешне?

– Выше меня. Добрый и спокойный. (Норма.)

– Опишите поконкретней показатели пола, цвет волос, телосложение.

– Показатели пола должны быть явно выраженными, волосы светлыми, полное отсутствие живота и тройного подбородка. (Норма.)

– У вас есть реальный прототип?

– Нет. (Задержка с ответом 15 сек.)

– Опишите мужской образ, вызывающий у вас отвращение.

– Злой... Толстый... Нет, я не знаю толком, это можно определить только при общении.

(В пред. нормы.)

– Вы когда-нибудь ненавидели мужчину?

– Я не понимаю вопроса.

– Вы воспринимаете подсудимых как мужчин?

– Когда он на меня набрасывается, я понимаю, что он не женщина. (Норма.)

– Вы бы могли убить женщину?

– Если бы возникла угроза моей жизни, то – да. (Задержка с ответом 5 сек.)

– Вы считаете себя сексуально привлекательной?

– Несомненно. (Норма.)

– Вы можете сознательно спровоцировать приставание к вам мужчины?

– Если захочу, наверное, да. (В пред. нормы.)

– Да или нет?

– Да. (Норма.)

– Что для вас является жизнеопределяющим?

– Работа. (Норма.)

– А если она не приносит удовлетворения?

– Работа. (Норма.)
– Как вы определяете социальный статус человека, преступившего закон?
– Преступник, который должен быть наказан. (Норма.)
– Вы считаете себя виновной в смерти Левакова и Пушкарева?
– Да. (Задержка 12 сек.)
– Предположим, вы бы заранее знали о нападении Левакова, стали бы стрелять?
– Нет. (Норма.)
– Предположим, вы бы заранее знали о нападении Пушкарева, стали бы стрелять?
– Да. (Норма.)
– Вы согласитесь пройти тест на детекторе лжи?
– Я думала, что этот прибор – детектор. Я уже согласилась. (Норма)
– Этот прибор просто регистрирует некоторые медицинские показатели, ваше давление, пульс, вот здесь на экране высвечивается время задержки с ответом на вопрос. Вы прошли освидетельствование. Пульс 62, давление 120 на 80. Отказов отвечать – нет. Непонятый вопрос – 1. Контактность с психологом – достаточная. Отчет будет представлен завтра до 10 утра. Распишитесь. Вот в этой графе – ваши претензии, если таковые имеются».

В графе «примечания и проблемы» Ева написала: «Задаваемые вопросы имели явно направленный на различие полов акцент. Опять со мной сыграла шутку моя привлекательная внешность. Прошу дополнительного освидетельствования у психолога-женщины. Желательно моего возраста».

Достаточно упитанный с разрастающейся лысиной психолог изумленно прочел написанное Евой. Он спрятал свой округлый животик в узкое пространство между креслом и компьютерным столом, он потел и изо всех сил старался не смотреть на коленки Евы Николаевны.

Четверг, 17 сентября, утро

Ева Николаевна стояла по стойке «смирно» у дверей в кабинете прокурора города. Хорватый и прокурор задумчиво смотрели на нее через пространство комнаты. В окна хлестал сильный дождь, пахло в кабинете хорошими сигаретами и кожей. Хорватый скрестил свои огромные руки на папке с бумагами по делу Кургановой Е. Н., прокурор положил изящные ладони с тонкими слабыми пальцами на компьютерную распечатку-заключение о психологическом освидетельствовании контактной Евы Николаевны. В углу комнаты осторожно звякнули часы и рассыпали прозрачный и нежный звук, но бить не стали: половина одиннадцатого. Часы словно разбудили мужчин. Еве предложили сесть.

– Здесь написано, – медленно и глухо проговорил прокурор, – что вы настаиваете на дополнительном освидетельствовании.

– Никак нет. Я просто предложила провести еще одно.

– Что вам это даст, здесь и так достаточно нормальное заключение. Вы целеустремленны. В хорошей физической форме. Вот, правда, сексуально озабочены. Так написано. Но агрессивность к противоположному полу не прослеживается.

Хорватый и прокурор внимательно смотрели на Еву. Она сидела очень прямо, не касаясь спиной стула, и с чуть заметной улыбкой внимательно вглядывалась в лицо говорившего.

– Ева Николаевна, почему бы вам просто не рассказать нам, в чем дело... – Хорватый говорил медленно и так проникновенно, словно священник со смертником. – Мы сейчас здесь одни... ваше начальство, так сказать... Из этого кабинета секреты не пропадают. Давайте, наконец, договоримся.

– Как это – договоримся?

Глаза Евы были удивленными, а руки прилежно уложены на коленках.

В разговор вступил прокурор:

– Гмм... Так сказать... нам ваша проблема понятна. Я называю это болезнью новичков, мне никаких психологов не надо, все и так ясно. Вам хочется самой довершить любое трудное расследование, вы возмущены несоответствием приложенных вами усилий и наказания, которое назначается преступнику. Но поймите... Закон должен предусматривать сделку, иначе он не закон, а обреченность. Хочу сделать вам предложение. В принципе определенные обязанности у нас выполняют специальные люди, но иногда в порядке исключения вы можете сами участвовать в исполнении смертных приговоров. Это легко устроить, и смею вас заверить, что болезнь новичков покинет вас после первого же приведения приговора в исполнение.

В кабинете повисло молчание. Еве надоело притворяться, и невинное удивление сменилось на ее лице насмешливо-упрямым выражением, так хорошо знакомым Хорватому. Он досадливо и нарочито шумно вздохнул.

– Прошу прощения, но, по моему мнению, вы путаете причину. Вы не там ее ищете, причина не во мне, понимаете? Она. Не. Во. Мне, – сказала Ева четко и без выражения. – Причина, – в обстоятельствах, а обстоятельства – это все мы, но, в основном, – вы.

– Это, в смысле, я? – удивленно спросил прокурор.

– Это все мы. Я продельваю определенную работу и доказываю закону, что перед ним – злостный нарушитель, – Ева вдруг взволновалась, стала жестикулировать. – Закон – это люди, его исполняющие. Эти люди решают, что вымогательство с убийством и последующим изнасилованием жертвы – всего лишь конфуз и обвиняемого можно просто пожурить...

– Это по делу Левши, – прервал ее Хорватый, обращаясь к прокурору. – Ничего себе пожурить – пять лет строгого режима, а почти два он провел в предварилровке. – И уже Еве: – Пойми ты, наконец, каждый отдельный случай рассматривается особо, обстоятельства,

условия... Специалисты доказывают, что Левша, насилующий мертвого мужчину, – болен. Частично... Ты просто должна хорошо выполнять свою работу.

– Зачем?

– Как это – зачем? Мы все – закон.

– Минуточку, минуточку... – Прокурор стукнул ладонью по столу. – Я вас пригласил не на диспут. Я предложил вам конкретный выход из положения. Я предложил вам убивать осужденных законно. И мое предложение – не повод для того, чтобы начинать лекцию о законе и наказании. Вы не в том положении и звании, чтобы дискутировать со мной. У нас есть определенное количество осужденных на смерть. И смею вас заверить, эти люди будут пострашней некрофила Левши. Идите и стреляйте. Ваша строптивость стоит слишком дорого. Вы неплохой специалист. У нас много случайных людей, вы пытаетесь доказать мне, что вы – истинный радетель закона. Мне не нужны ваши доказательства. Надумаете расслабиться – доложите. А сейчас вы свободны, и постарайтесь в дальнейшем не отнимать мое время по пустякам.

Хорватый сделал Еве знак рукой, и она осталась за дверью кабинета прокурора, дожидаясь его.

– Дура ты, и все, – сказал Хорватый, прикрыв за собой осторожно дверь. – Ты просто ненормальная, и в постели ты ненормальная, и вообще!..

Ева влетела в свой кабинет злая, лицо ее горело. Не закрывая дверь, она стала стучать кулаком в стену. За стеной был кабинет Николаева. Ева забылась, засмотрелась в мокрое окно на прозрачные струйки дождя. Из кабинета Николаева пришел молодой испуганный опер и смотрел на нее, приоткрыв рот. Ева почувствовала его взгляд, повернулась, продолжая стучать в стену.

– Разрешите доложить... Майор Николаев просил передать вам – он на выезде. Он хочет взять Кота.

Ева с досадой потеряла руку.

– А тебя не взяли?

– Я – стажер. Я просился, но майор Николаев велел непременно дожидаться вас и передать. Он у кафе. Этого, как его...

– «Рябинушка». Тренируй память, стажер. Что-нибудь еще? – Ева торопилась, не попадая в рукава куртки.

– У нас там это... китаец. И ни слова не понимает по-русски.

– А... Это Коля. Испугался? – усмехнулась Ева, вытолкала опера, заперла кабинет. – Пошли, я его научу русскому языку. Или тебя – китайскому.

В кабинете Николаева сидел безобразный китаец. У него не было одного глаза, уродливый шрам пульсировал ввалившейся звездочкой. Китаец нервничал.

Ева привычно окинула взглядом запоры на шкафах с документами. Стол Николаева был пуст.

– Тебе, опер, три с минусом – не оставляй никого и никогда одного в рабочем кабинете, а тебе, – она ткнула пальцем в китайца, – три минуты, чтобы вспомнить русский, я очень спешу.

– Не понимать, – китаец лихо улыбнулся, демонстрируя огромные металлические зубы.

– Как хочешь. Выметайся отсюда, это понимать? – Ева провела рукой под столом Николаева, под выдвижными ящиками. Здесь Николаев держал заначку. Пистолета не было, значит, Николаев «припаял малыша», как он сам выражался, на ноге у лодыжки. А вдруг китаец?! – Руки!

Китаец мгновенно вскинул руки и перестал улыбаться.

– Во дает, а говорил, не понимает! – опер качал головой.

Ева пробежалась по телу китайца, стукнула по коленкам, и тот быстро раздвинул ноги. На лице у него ничего не отражалось.

– Коля. Коля-Коля, Николаша...

– Николяша, – радостно закивал головой китаец.

– Мне некогда, Коля, понимаешь? Видишь опера? Он ничего не понимает, ты ему все расскажи, он просто запишет и слово в слово передаст Николаеву, а то тебя, Коля, завтра пристрелят, чего доброго...

– Хорошо, – кивнул Коля.

– Слушай, опер, – Ева заторопилась, – запиши слово в слово, что скажет Коля, потом сунь эту бумажку в укромное место и никому, кроме Николаева, не показывай. Есть такая веселая компания китайцев, она переправляет своих через нашу страну в Европу. Коля делает паспорта и прячет неожиданно умерших, но вообще он ничего себе, понял? Что тебе приказал Николаев?

– На телефоне сидеть.

– Сиди. Только поаккуратней, не сломай аппарат.

Ева рванула со стоянки, веером рассекая на асфальте дождь. Держа руль одной рукой, она открыла бардачок и достала небольшой узкий нож. Несколько раз опробовала, как вылетает лезвие при резком движении ладони сверху вниз. Запрятала его в специальный длинный кармашек в рукаве у самого манжета. На светофоре подумала несколько секунд и решила надеть бронезилет. Когда она судорожно стягивала через голову рубашку, в окно машины постучали. Интеллигентный очкарик прикрывал голову от дождя кожаной папкой. Ева опустила стекло, очкарик уставился на ее нижнюю весьма откровенную маечку с кружевами.

– По... жалуйста, подвезите во Внуково, понимаете, вопрос жизни и смерти...

– В аэропорт не могу, а до Кольца подброшу, – Ева рванула с места, не заботясь о том, закрыл ли он дверцу, очкарик завалился на заднем сиденье.

– Поддай мне жилет.

– Простите, – он беспомощно смотрел на нее запотевшими стеклами.

– Рядом с тобой лежит бронезилет, дай его мне.

– А, простите, минуточку... Пожалуйста.

– Отлично. Там еще кобура и патроны.

– Что, дело так серьезно?

– Ты же сам сказал, что-то о жизни и смерти.

Ева бросала машину из ряда в ряд, очкарик падал на заднем сиденье.

– Нет, вы поняли меня буквально, понимаете? Она меня не простит, если я ее не встречу.

– Выметайся сейчас, пока красный свет, и больше не шути с такими словами.

– С радостью, спасибо вам!..

Он действительно вылетел из машины гораздо быстрее, чем садился, и с большой радостью.

Ева затормозила с визгом. За поворотом было кафе «Рябинушка». Ева увидела несколько милицейских машин с мигалками и поняла, что есть проблемы.

Николаев сидел у одной из машин и грыз ноготь на большом пальце. Большое окно кафе было разбито. Сквозняк вытаскивал наружу занавеску и мочил ее под дождем. На улице у кафе стояли два пластмассовых столика со стульями. На столах остались высокие стаканы с трубочками и бумажные тарелки.

– Ты что тут собрал столько народу и мокнешь под дождем? – Ева тоже пригнулась, стараясь не поднимать голову над машиной. – Что, хреново?

– Кот заложника взял, теперь машину требует. Влепят мне строгача. На задержание пошел в людном месте... Да ни души не было в этом людном месте! Дождь льет, зараза. Только этот пьяный в стельку, командировочный небось... И Кот. Я к нему подошел уже совсем близко, он за столиком сидел, вон там, под зонтом. А тут как на грех вылетели две кукушки, –

Николаев махнул рукой в сторону милицейских мигалок. – Вот придурки, пепси-колу примчались пить... Ну, Кот, конечно, давай по ним палить, эти – по нему. Он забежал в кафе, а там в недобрую минуту кто-то дождь переждал.

С мокрых волос Николаева стекали на лицо прозрачные струйки.

– Ты на машине? – Он смотрел на нее, шурясь, сгоняя воду с ресниц.

– Что-нибудь придумаем...

Ева, пригнувшись, перебежала к милицейской машине. Два гаишника курили на переднем сиденье.

– Ну-ка, мальчики, подайте малым ходом назад, прикройте меня до поворота.

– Еще и баба тут, – один из милиционеров покачал головой, но машину завел. – Это что за задержание такое, нигде по сводкам нет? Слава богу, дождь льет, а как хорошая погода, тут бы уже полгорода собралось смотреть представление! Оцепление делают сначала, оцепление!

Ева быстро шла рядом с машиной, спрятавшись за нее. В туфлях хлюпала вода. После поворота Ева выпрямилась и побежала к своей машине.

В машине она судорожно стянула с себя форменный пиджак и надела свой, в крупную черно-белую клетку. От кобуры тоже пришлось отказаться, она не пряталась под ее пиджаком. Ева выдохнула, задержала вдох, пока не пошли синие круги перед глазами, вдохнула с удовольствием, вдох получился вкусный, успокаивающий. Понудней приладила пистолет рукояткой вверх в пояс юбки.

Она подъехала к самым дверям кафе, прилегла, осторожно оглядывая окна. Подумала и сняла туфли на каблучках. Открыла дверцу машины.

– Дяденька! – крикнула Ева, не выпрямляясь. – Дяденька, где вы? Я машину пригнала! Тишина.

Выпрямылся Николаев, поднял руки.

– Кот! Я достал тебе машину! Не вздумай дурить, за рулем женщина!

Дверь кафе открылась. В проеме показался совершенно пьяный пожилой мужчина с растрепавшимся оселедцем на продолговатой лысине. Его обхватывал одной рукой невысокого роста молодой парень с застывшим напряженным выражением лица. Он выглядывал из-за плеча пьяного цепко и осторожно.

– Дяденька, – Ева поднялась, прижала руки к горлу, – дяденька, не стреляйте!

Кот посмотрел на нее отрешенно.

– Пошла вон!

Ева вылезла из машины на дорогу.

– Подойди, чтоб я видел.

Ева обошла машину, все так же прижимая руки к горлу, и топталась в луже, переступая ногами в колготках. Кот посмотрел на ее ноги и немного расслабился.

– Быстро к стене! – он махнул головой в сторону кафе.

– Ой, дяденька, сейчас, – Ева медленно пошла к разбитому окну. – Не стреляйте!

Николаев, сцепив зубы, смотрел на Еву. Он судорожно прикидывал, будет ли Кот затаскивать пьяного в машину. Кот, похоже, думал о том же, но заметил слабую попытку Николаева опустить правую руку.

– Стоять! – закричал Кот, дернув заложника. Пьяный повис на его руке тяжело и неподвижно. Ева уже стояла почти сзади Кота, она видела, как дрожит его левая рука с оружием. Ева скорее почувствовала, чем осознала, что Кот сейчас выбросит пьяного, и в момент разворота его тела, когда он рывком правой руки отбрасывал заложника, успела приподнять борт модного пиджачка, выхватить из-за пояса юбки пистолет и прострелить Коту левую ладонь.

Из машины Николаева вывалились два бравых оперативника и побежали по лужам к прыгающему на одном месте и подвывающему Коту. Ева подтолкнула к ним по асфальту его

револьвер и села к себе за руль. Николаев заглянул в открытую дверцу, он тяжело дышал и был насквозь мокрый.

– Спасибо. Учту. Пить охота, – он отвернулся, наблюдая, как оперативники скручивают назад руки Коту.

– Хочешь апельсин? – спросила Ева.

Четверг, 17 сентября, вечер

В Управление они ввалились мокрые. Ева несла в руках туфли и свой китель. Они смерчем пронеслись по длинным коридорам с тем заразительным азартом собственного достоинства, от которого быстро расступаются в стороны все, кто попадаетея навстречу.

– Старший инспектор Николаев! – Демидову пришлось бежать рядом. – Вас просили оформить задержание немедленно!

– Ну ты, прокуратура, расслабься, попей чайку... Ты же знаешь, я медленно пишу, с ошибками, и падежов не знаю.

– Следователь Курганова!.. Вы считаете обоснованным ваше участие в подобных захватах? – У Демидова дергалось веко, смотрел он на Еву с ненавистью, громко сопя.

– А ты, Гена Петрович, сходил бы хоть на одно, знаешь, как заражает, концентрирует и все такое. Мы когда Слоника выследим, я попрошу, чтобы тебя взяли в группу захвата. А то хочешь – один на один, а? Ты – и он? Он – и твое звание, а?

– Ева Николаевна! – Слабый и тонкий голосок словно дернул в Еве невидимую ниточку удивления, она оглянулась и отпустила пуговицу на кителе Демидова. – Прошу вас, подождите, я вас ишу.

К Еве приближалась молодая высокая женщина. Неуправляемые пшеничные волосы лезли в лицо, полузаплетенной косой валялись на плече, тонкая прядь попала в рот. Короткая юбка, большие круглые колени, высоченные каблукы, огромный вырез тонкой шерстяной кофточки, большая толстая папка под мышкой.

– Что это? – Ева опешила.

– Психолога просили, Ева Николаевна? – Демидов злорадно наблюдал растерянность на лице Евы. – И чтобы женщина, и чтобы вам по вкусу?

Психолог попробовала достать из маленькой сумочки через плечо очки с круглыми большими стеклами, но ей это удалось только после того, как папка, выскользнув, упала на пол. Некоторое время женщина задумчиво рассматривала засыпанный бумагами пол, потом решительно нацепила очки и уставилась на Еву. Присела, не отводя взгляда от ее лица, и попыталась собрать все в папку. Наконец, она просто сгребла все, прижав к груди, медленно поднялась и сказала, что ее зовут Далила.

Нервное напряжение, эйфория от хорошо выполненной работы и растерянность от такого странного имени – все это одновременно выплеснулось наружу. Ева засмеялась, прижав к себе посылней туфли и китель, затем сползла спиной по стене коридора, икая от смеха, и села на пол.

Далила сначала неуверенно усмехнулась несколько раз, потом не выдержала, рассмеялась от души, закидывая голову и демонстрируя Еве зубы. Дальше они обе просто уже не могли остановиться, хохот перерос у Евы в истерику. У нее текли слезы. Психолог пыталась несколько раз сдержаться, но потом смех прорвался сквозь ее упорство, она проползла на коленках к стене и села рядом, прижимая к себе бумаги по делу Евы Николаевны. Замолкая на несколько секунд, они поворачивались друг к другу лицами, и все начиналось сначала. Наконец, Ева жестами попросила идти за ней, встала первая и протянула руку Далиле. У психолога этот жест вызвал новый приступ хохота, поднимаясь, она опять выронила папку, Ева покорно махнула рукой и побрела к своему кабинету, тихонько подвывая, уже не в силах смеяться.

– Что... вы делаете? – спросила Далила в кабинете, когда Ева Николаевна разделась до трусов.

– Сейчас... минуточку, я готовлюсь к тестированию...

Они не засмеялись, сидели обе словно в оцепенении, потом Ева включила обогреватель и развесила около него мокрую одежду.

– Ну вот, я готова, прошу, – Ева села за стол примерной ученицей, сложив руки одну на другой и выпрямившись.

– Я... понимаете, я ассистентка, у меня еще нет ученой степени. Меня попросил мой руководитель протестировать вас еще раз, с вашим делом я знакома.

– Ну и как – есть аномалии?

– Ева Николаевна, я включу магнитофон и запишу нашу беседу, а потом обработаю записи и составлю композиционный отчет. Отчет будет вам показан. Если вы пожелаете что-либо в нем убрать или изменить, это будет сделано. Но проведу я нашу беседу немного необычно. Мне бы хотелось, чтобы она была доверительной и чтобы вопросы задавали вы.

– Как это?

– Вы задаете мне вопросы о чем угодно, о моей личной жизни, о работе, о погоде, вообще о жизни, я на них отвечаю, иногда я задаю вам вопросы, чтобы поддержать видимость полноценного дружеского разговора.

– Ну что ж, попробуем, – Ева расслабилась, откинулась на спинку стула. – Ну вот... к примеру, ты одинокая или замужем?

– У меня есть ребенок, я не одинока. Можно сказать, я даже замужем, – психолог сосредоточенно смотрела в пол, обдумывая ответ. – У нас гражданский брак и ребенок, – закончила она решительно.

– А как ты занимаешься сексом с партнером?

– В смысле... – Далила залилась краской.

– Ну, как ты любишь больше всего?

– Можно встречный вопрос?

– Давай.

– Я знаю, что вы неоднократно высказывали в коллективе свое сугубо личное мнение об отношениях между мужчиной и женщиной...

– Ты просто хочешь спросить меня, почему я задаю такие вопросы, когда на каждом шагу заявляю о своей девственности?

– Да!.. Спасибо. Это действительно странно для женщины... девушки вашего возраста. Видите ли, я несколько раз сталкивалась с принципиальными девственницами и со старыми девами, которые предпочитают скрывать свою личную жизнь или ее отсутствие. Вы не похожи на них. Но с другой стороны... Целомудрие есть воздержание.

– Целомудрие здесь ни при чем. Я веду полноценную сексуальную жизнь.

– М-м-м, – психолог растерянно шарила глазами по комнате, Ева опередила ее вопрос.

– Я с удовольствием занимаюсь этим орально и анально.

В кабинете повисла напряженная тишина. Взгляд Далилы перестал обшаривать комнату и застыл на небольшой черной розетке в углу, она облизала большие пухлые губы. Ева заметила ее напряжение, словно психолог получила именно тот ответ, который ей что-то объясняет. Собака взяла след.

– Ева Николаевна, а почему вы этим занимаетесь... именно так, можно спросить?

– Я должна выйти замуж девственницей. Есть такое место в организме женщины, оно предназначено только для любимого мужа и ребенка, оно под сердцем, а определенные потребности организма могут реализовываться другими способами. Все должно быть в жизни упорядоченно, правильно, если ты понимаешь, что я хочу сказать. Но ты же понимаешь, правда? – Ева улыбалась, видя почти охотничий азарт психолога.

– Я понимаю. Да, я понимаю, – просияла Далила. – Значит, принципиально!..

Дверь в кабинет открылась. Николаев влетел возбужденный и начал говорить, захлебываясь:

– Кот сдаст его, сдаст Слона, вот увидишь, приходи минут через... – Он наконец разглядел Еву и теперь вытаращил глаза, не в силах отвести их от ее груди. – А что это вы тут делаете?

– У нас тут психотестирование, ты что, не понял? – Ева протянула руку к обогревателю за блузкой. – Если хочешь – раздевайся, тебя тоже протестируют. – Ева смотрела серьезно.

– Простите, вы ведь коллега Евы Николаевны? – Далила поправила очки и строго уставилась на Николаева. – Вам мешает в работе привлекательность обследуемой?

– Балдеете, да?.. Ну-ну, а ты все-таки зайди, только оденься и, пожалуйста, никаких ананасов! – Он с силой грохнул дверь.

– Что это за ананасы?

– А... так, ничего, ему что апельсины, что ананасы, все одно, – Ева не спеша одевалась. – Знаешь, мне жаль твоего усердия, хотя, конечно, может, все это тебе и пригодится для работы. Но у нас в Управлении... Даже если ты докажешь, что по результатам тестирования я просто ненормальна, меня все равно не отстранят.

– Почему?

– Я с десяти метров попадаю в муху. На все захваты брать будут, это точно.

– В какую это муху?

– В дроздофилу, – Ева оделась и выключила обогреватель.

– Еще одну минуту. Я понимаю, у вас дела... Почему вы, следовательно, выезжаете на захваты? У вас ведь юридическое образование, могли бы работать в прокуратуре.

– Моя беда, романтизм подвел. На третьем курсе спрашивали, не захочет ли кто попробовать суровых милицейских будней, я попробовала пару недель, мне там люди понравились. В прокуратуре они какие-то вареные, что ли? Спокойствие на грани удовольствия. Вот я и выбрала в результате высшую школу милиции и тревожные будни, а у нас в Управлении как раз влипла в эксперимент, это когда инспектор и следователь стали работать в одной команде.

– Жалеете о таком выборе?

– Как сказать... Скажу, что жалею – немного совру, скажу, что довольна – совру еще больше. Очень много противоречий.

– В законе?

– Нет, в законе противоречий нет, а когда его на жизнь намазывают, происходит частичная несовместимость.

Ева жестом показала, что времени больше нет, выпроводила Далилу и закрыла кабинет.

– Ева... Николаевна, одну минуту, почему вы не хотите работать по исправлению и уточнению законодательства!..

– Все дело во времени, – Ева уже почти бежала по коридору, Далила подсакивала к ней то справа, то слева. – Я хочу видеть результат своего упорства и умения. У тебя пленка кончилась.

– А, черт с ней. У меня нет упорства и умения. У меня только чутье, – психолог устало прислонилась к стене. – Я буду с вами бороться, Ева Николаевна, вы опасны.

– Хорошее у тебя чутье, еще у тебя обалденный стиль, ты меня просто покорила, давай встретимся при случае и поборемся в более приятном месте.

Далила покусала обветренную верхнюю губу, медленно вытащила из уголка рта золотую тонкую прядку волос.

– Я стараюсь, – сказала она в спину не дождавшейся ответа Еве.

Кот сидел в маленьком душном кабинете. Он осторожно баюкал правой рукой забинтованную левую. Лицо у него было удлинненное, глаза большие, словно оплывшие немного вниз, аккуратный, чуть курносый нос, растительности никакой, хотя волосы на голове лихо кудрявились. Маленькие тонкие брови, словно выщипанные узкой полоской, иногда вдруг перемещались по лбу, изгибаясь, когда Кот хотел продемонстрировать уж очень сильное удивление и возмущение. Быстро сверху вниз оглядев Кота, Ева отметила странный стиль его одежды: из-под потертых джинсов выглядывали морды отменных толстых ботинок, рубашка была осле-

пительно белой, в некоторых местах, правда, со следами свежей грязи, на шее – маленький блестящий зеленый галстук. На столе перед Николаевым лежала кожаная куртка Кота и все, что выгребли из карманов.

Кроме Кота и Николаева, в кабинете были еще оперативники, которые помогали ему у кафе, и старший следователь Гнатюк. Дышать было нечем.

Ева не стала прерывать допрос, села у двери на табуретку. Кот отметил ее появление, зло искривил губы и смачно сплюнул на пол.

Были подозрения, только подозрения, что Кот иногда работал со Слоником – Пашей Закидонским, особо опасным убийцей в розыске. Паша был неуловим, имелись все основания полагать, что несколько заказных убийств авторитетов преступного мира совершены именно им. Но улики никаких. После грамотно выполненного убийства появлялся слух, даже слухок, что это дело рук Слоника. Определить источники этих слухов Николаеву не удавалось. Пытаясь копнуть поглубже, он наткнулся на непробиваемую стену секретных сведений своего же Управления. Сначала Николаев допускал, что Слоника завербовали агентом в одну из контор, но ничем не мог этого доказать. За год сменилось четыре инспектора, которые вели дело Слоника. Николаев оказался самым удачливым, он добыл отпечатки пальцев Паши и наметил первую очень слабую ниточку: Паша Закидонский – Турция. Информацию о турецких преступных группах добыл так оперативно, что получил повышение в звании. Но там Слоник даже не наследил. Теперь Николаев разрабатывал версию: Слоник – турецкая разведка, он попытался привязать Пашу к политическим отношениям между российскими денежными мешками и турецкими секретными службами. Здесь Николаев немного растерялся. Не привыкший работать в таких масштабах, честно заявил начальству, что дело Слоника нужно решать на высоком государственном уровне, объяснив ситуацию такой схемой: на заре свободы и демократии в Турцию потекли русские деньги, сейчас идет отстрел особо богатых авторитетов, отказавшихся подчиниться турецкой мафии, но переправивших в Турцию большой капитал. Эти люди строили отели, держали публичные дома, занимались курортным бизнесом. Для отстрела был завербован хороший специалист из наших, целый год турецкая разведка и наша служба безопасности тешили себя уверенностью, что Паша работает именно на них.

Начальство почесало в затылке, написало докладную. К Николаеву прислали суетливого фээсбэшника, который заверил Николаева, что Паша Закидонский больше никого не интересуется, он просто маньяк. И все.

Николаев понял, что Пашу сдают. Дальше – как получится. Если Паша сумеет кого-нибудь запугать достаточно сильно разглашением всего, что он знает, его либо надо будет прикончить при захвате, либо его заново купят и устроят хороший убедительный побег. Для себя Николаев решил так: в подробности переживаний службы безопасности не вдаваться, преступника изловить, жизнь ему сохранить, побег не допустить.

– Ты убил в августе прошлого года Карпатого? – спросил вдруг Николаев Кота в полной тишине.

– Нет, не я, – лениво ответил Кот.

– Тебя вызвал твой корешок, ты приехал из Тулы, сначала вы хотели идти на дело втроем, но потом корешок сказал: Прохора не брать. Вспомнил?

– Не помню такого, – Кот перестал баюкать руку и напрягся.

– У твоего корешка хороший нюх. Как он говорит в таких случаях?

– Чего еще?!

– Когда он чувствует опасность от человека, он говорит, что от того уже пахнет лефортовской парашей, ну?

Кот молчал и напряженно смотрел на Николаева. Ева встала с табуретки и подошла к столу.

– Убери эту стрелялку! – Кот старался не смотреть на Еву, она уже стояла рядом с ним. – Пусть отойдет, я плохо соображаю, когда она рядом.

– Зря ты, Женя, так ко мне относишься, – Ева обошла стол и перебирала вещи из карманов Кота. – Я же тебя чисто и хорошо сделала, ну раздробила одну косточку, так ведь самую маленькую. Я старалась.

– Две, – буркнул Кот и шумно сглотнул.

– Ты, Женя, зря время не трать, придурка с потерей памяти не изображай, потому что Прохор нам все подробно и хорошо рассказал. Я к тебе – со всей душой, я тебя к чистосердечному подвожу, ласково так подвожу, поэтому расскажу только незначительные подробности. Это, чтобы самое главное ты написал сам и как бы безо всякого давления с моей стороны.

Гнатюк сидел сзади Кота, он поднял руку и сделал знак Николаеву, Николаев чуть потеснил Еву плечом и перехватил инициативу:

– Что с ним валандаться? Давай заводим дело по материалам допроса Пушкарева, повесим Коту по максимуму, да еще этот заложник.

– Да какой заложник, какой заложник? Подумаешь, вытащил пьяного из кафе, а вы бы пристрелили беднягу, как пить дать! Вы все там перебили, стрелять не умеете, – Кот начал свою речь с крика, потом, наткнувшись на насмешливый взгляд Евы, перешел почти на шепот.

– Не горячись, Николаев, – Ева задумчиво вертела в руках крошечный ключик на небольшом шнурке. – Может, Женя захочет сам себе помочь, и нам мороки и писанины меньше.

– Вы меня не покупайте, – Кот говорил неуверенно.

– Ты, Женя, блондинок любишь, а Прохор – брюнеток. Ты после того дела девочку себе снял, помнишь? Прохору не понравилась, он блондинкам не верит.

– Где эта сука? Пусть он мне в глаза скажет! Продажная тварь!

– Женя, ты убил Карпатого или Слоник?

– Паша убил.

– Да он тебе что хочешь сейчас скажет, кто его видел, этого Пашу? Ему сейчас все одно, кого бы назвать! – Николаев закричал громко и неожиданно, Гнатюк закашлял, Николаев стукнул кулаком по столу, но орать перестал.

– Да у него одна дырка во лбу, я в жизни так не делал, я не крутой, я тихонько горло бы перерезал, и все. А тут – хренотень всякая, пистолет, глушитель, это ж пронести надо, портфель, – Кот замолчал и уставился на маленький ключик в руках Евы. – Я машину вел, – он постарался справиться с волнением и не смотреть на ключик, – потом я его не видел.

Ева бросила ключ на стол и ушла из кабинета. Гнатюк вышел за ней.

– Вы вот что, Ева Николаевна... Я бы попросил вас закончить несколько старых дел, что у вас накопились. Ни на какие задания не выезжать, если что будет новое, не беспокойтесь, вас подменят.

– Вы меня отстраняете?

– Когда вас отстранят... на время расследования, вы будете извещены, а пока я просто прошу вас привести дела в порядок, на всякий случай.

– На случай передачи другому? Да вы поймите, сколько человек сейчас было на допросе, а? Ну вы же там только что были! Что-нибудь поймали интересное? А я поймала. В вещах Кота ключик есть, он проговорился! Стал говорить про пистолет с глушителем и проговорился! Пистолет – глушитель – портфель. Портфель, понимаете! Значит, был портфель, в котором это все несли, а ключ имеет к этому портфелю отношение!

– Это ключ от портфеля?

– Думаю, что нет, какие сейчас портфели с ключами, если что запирают, так кейсы, «дипломаты». Портфель – это старая вещь, свидетели говорили, что видели кого-то, то ли слесаря, то ли сантехника, значит, портфель старый, неприметный!

– А ключ?

– Это ключ от того места, где портфель спрятан. Возможно, с оружием убийства. Они помолчали. Гнатюк закурил.

– Ты вот что, – он посмотрел на Еву тяжелым взглядом старого человека. – Ты не дергайся пока, я тебя прошу. Когда ты повзрослеешь, ты поймешь, что не всегда надо спешить и рисковать. И вот тебе урок номер один: этот заложник, из кафе... Он умер.

– Как это? – Ева вспомнила брыкающегося командировочного на носилках, когда его заталкивали в «Скорую помощь», он кричал: «Я вас умоляю!»

– А вот так. Сердечный приступ плюс сильное алкогольное отравление. Потерял сознание еще в «Скорой». Я думаю, он даже не понял, что вообще с ним произошло сегодня. У тебя несчастный случай на киностудии висит. Съезди завтра, развейся, проведи дознание по всей форме, инспектор Курганова, – Гнатюк тяжело вздохнул и стал уходить от Евы.

– То есть как? Разрешите обратиться! – крикнула она в широкую спину.

– Там приказ висит. Внизу, – он махнул рукой, не поворачиваясь.

Ева побежала к лестнице и налетела на Хорватого. Он обхватил ее, не давая бежать дальше.

– Не лети так быстро, висит, все там висит. Эксперимент не удался. Следователь должен сидеть в кабинете, инспектор ловить преступника. Надо было просто запретить тебе выезжать на захваты, там достаточно инспектора и специально обученной группы, но меня не послушались. Ты же девочка горячая, будешь теперь всех ловить сама. А следователь Калина любит тихо сидеть в кабинете, размышлять, – он боролся с Евой у самой лестницы. Рядом стали останавливаться любопытные. – Не смей людей, пойдём отсюда.

Ева замерла, Хорватый опустил руки.

– Так вот, Ева Николаевна, плохо вы выходите из захвата, плохо, – он галантно подал ей руку, потом быстро прижал ее руку локтем к себе. Они медленно спускались вниз. – Стреляете вы отменно, а борьба у вас идет плохо. Есть хочешь?

– Хочу, – Ева вдруг почувствовала, что сейчас упадет, так она устала. – Есть-то я хочу, но идти не могу, я сдохла, честное слово.

– Ну, до машины я тебя дотащу.

Дождь прекратился, в лужах на асфальте отражались фонари.

– Поехали в моей машине, – Хорватый подтолкнул Еву к своему «Москвичу».

– Хорошо тебе говорить, а как я утром доберусь на работу?

– Утром и приедем вместе.

– Расслабление по полной программе, да? – Ева засмеялась.

– А что тут смешного?

– Да так... Вспомнила психолога Далилу. Я ей рассказала, как мы с тобой предпочитаем расслабляться, она сейчас, наверное, отчет пишет.

Лицо Хорватого пошло пятнами. Ева видела, как он старается справиться с охватившей его яростью.

– Да ты не волнуйся, у нас была просто доверительная беседа, без имен, про жизнь вообще. Что это ты так расстроился? Никто и ничего про тебя не знает.

Хорватый размахнулся и стукнул изо всей силы по крыше автомобиля кулаком.

– Э-э-э... да у тебя, я вижу, аппетит пропал напрочь. А я уж размечталась, как ты вносишь меня на руках в пиццерию, вокруг суетятся официанты... Ладно, звони, если что, – Ева пошла к своей машине.

Разворачиваясь, веером воды из лужи облила Хорватого, все еще стоящего в оцепенении.

– Пока, любовничек, – сказала Ева шепотом и удивилась слезам на щеках.

Дома, в пустой однокомнатной квартире, Ева включила на полную громкость магнитофон и танцевала до одурения. В дверь позвонили. Странно. Сосед сверху в таких случаях сна-

чала долбил у себя пол. В глазке улыбалась идиотским образом расплывшаяся физиономия Николаева.

– Ты мож-жешь мне не верить. Но меня не пустили в приличное место пожрать!

– Ты пьян.

– Но я все равно хочу жрать, мало ли... пьян! Имею право... Жюльен, профитроли, даже пусть котлеты по-киевски. Вонючий кабак! Поэтому я купил... с собой, таскать, – он вывалил на столик в прихожей надкушенный батон и копченую курицу. – Минуточку, еще не все... где же это... а? – по полу покатались три апельсина. – На троих!

– А кто третий? – Ева выглянула в коридор, потом захлопнула дверь.

– Ну этот... с козьей мордой, а, пусть слышит, я его не боюсь, мы же мужики! Сейчас мы не коллеги, а как это... Нет, ты не подумай, я просто зашел пожрать, понимаешь, меня не пустили, я ничего... спокойно купил курицу в магазине. Я с вами съем курицу. Где эта козья морда?

– Нет здесь никакой козьей морды, снимай плащ.

– Ну-у-у? Нет, подожди, мне интересно, он что, будет прятаться в шкафу?

– Николаев, смиренно! В ванную шагом марш!

– Я понимаю, – он гнусно ухмыльнулся и погрозил ей пальцем, – я хочу видеть эту... Я только осмотрю шкаф, ладно, но если эта... запряталась в шкафу, пощады не будет, клянусь, все отделение узнает!

Он осмотрел не только шкаф, но и балкон, кухонный стол, корзину для белья, запутался в занавесках, потом пополз по полу под тахту. Там он застрял, несколько раз дернулся и вдруг мирно захрапел.

Ева включила музыку и съела всю курицу. Подумав, вытащила Николаева из-под тахты за ноги и усадила, приладив кое-как в диванных подушках на полу.

– Николаев, Николаев! Смотри.

Ева разложила на полу три апельсина и танцевала между ними, снимая юбку.

– Стриптиз. Понимаю...

Но дальше Ева раздеваться не стала. Она медленно села на шпагат так, что один из апельсинов оказался у нее между ног. Упираясь руками в пол, она опускалась и приподнималась над апельсином под музыку.

– Модерн Токинг! – правильно определил музыку пьяный Николаев. – А я могу сесть на два стула в шпагате, как Шварценеггер! Щас!.. Минуточку...

Ева легла на спину, приподняла блузку и положила апельсин на пупок. Напрягая живот, она стала подбрасывать апельсин вверх в такт музыке.

– Класс! – одобрил Николаев. – Это потому, что у тебя такой удобный... пупок у тебя, короче, удобный. А Митрюхин из наркотиков, он животом мог монету зажать вот тут, – Николаев стал вытаскивать свою рубашку из джинсов. – Но он упитанный такой... Танец живота танцевал... Ничего... Ему в пупок можно бы магнитофон заделать, в жизни не нашли бы, а он, дурак, на грудь нацепил. Пристрелили. – Николаев задумчиво разглядывал стулья, которые он подтащил к себе.

– Николаев, а Николаев! – Ева теперь легла на живот, подняла ноги вверх, коснулась ступнями затылка, достала их руками и покачивала апельсин на спине. – А кто это – козья морда?

– Нет, ты меня извини, но тоже ведь... машина-то стоит. Вот так твоя, а вот так – его, я ж не дурак! Я ничего такого не хотел, пойми, просто пожрать. Я вообще решил, что должен тебе нравиться, я очень положительный и хороший, а этот... он же не разведется никогда. У него – карьера.

Ева подошла к окну. У подъезда стояли три автомобиля. Сначала машина Хорватого, потом ее, потом Николаева. Ева обшарила взглядом двор. Никого. Уютно всхрапнул Николаев.

Ева натянула теплые рейтузы, надела кроссовки, куртку, взяла апельсин, выключила свет и спустилась к машине, осторожно щелкнув замком двери.

Хорватый спал в своей машине, открыв рот и закинув голову назад. На скамейке шепталась парочка. Стараясь двигаться аккуратно, Ева выехала.

Дома уже засыпали, но дороги плыли горящими потоками машин. Ева любила ночные дороги, расплавленное золото фар, не тишину и не шум, а словно сонный пульс, полудрему никогда не засыпающего города. На Кольцевой она выжала педаль до отказа и понеслась по дороге, включив музыку на полную громкость. Через полчаса руки стали дрожать от напряжения, она заблудилась, свернув на незнакомую дорогу, остановила машину, вышла в огромное открытое пространство поля и гудящих проводов и попала прямо в огромное звездное небо. Вдали, внизу, светилась желтым заревом Москва, ослепляя небо и пряча звезды. Здесь было темно и ветрено, звезды так и напирали. Ева заметила, что опять плачет. Ей было жалко Хорватого, его жену, и Николаева, и себя, ей было жалко город, который слепит звезды и никогда их не видит.

Пятница, 18 сентября, утро

Гнатюк хмуро оглядывал молодую женщину, крупную и красивую той странной красотой, которая обычно его пугала. Его пугали все женщины выше его ростом, а эта была к тому же вся какая-то растрепанная, возбужденная и слишком откровенно, на его взгляд, одета. И представляла она профессию, с которой никогда раньше Гнатюк не сталкивался. В прошлом году, когда потребовали обязательные психоосвидетельствования руководящего состава, Гнатюк гордо принес справку о том, что не состоит на учете в психдиспансере, а тестирований избежал. Он чувствовал сейчас нутром большие неприятности, которые может обрушить на него эта красотка.

Гнатюк надеялся, что тестирование, проведенное с Евой Кургановой, просто приобретет форму еще одной бумажки, ляжет в дело, бумажку эту можно будет даже изучить при необходимости. Чего он совершенно не ожидал, так это разрешения Министерства внутренних дел на «проведение необходимых разработок по специальности» Далиле Мисявичус, аспирантке, занимающейся, как было написано в разрешении, «микроклиматом служебных взаимоотношений в коллективах с повышенной ответственностью». Получалось, что эта аспирантка, изучая ЧП с Евой Кургановой, решила на научной основе, делая на этом диссертацию, наблюдать и изучать тот самый микроклимат служебных взаимоотношений, который был для Гнатюка работой и жизнью одновременно.

Далила видела неодобрение во взгляде Гнатюка, но решила не сдаваться. На его настойчивые предложения оставить бумаги у него для просмотра она отвечала в третий раз, что дело не терпит отлагательства. Она немедленно должна довести до сведения начальства информацию об ужасной опасности, грозящей Управлению и всей правоохранительной системе. Гнатюк сдался, надел очки, тяжело вздохнул и почти пять минут пытался прочесть первую строчку отчета. Наконец, он не выдержал.

– Что это тут написано? – он показал большим желтым ногтем на начало страницы.

– Это медицинский термин, я могу объяснить. Это что-то вроде диагноза.

– Мания... кально стери... мери...

– Проще говоря, маниакальный синдром.

– А почему бы все это не написать проще, виновна в том-то и том-то? Синдром...

– Она ни в чем не виновата!

– А как же опасность для правоохранительной системы?

– Я надеялась, когда шла сюда, найти понимание, а не сарказм.

– Сарказм – это диагноз?

– Послушайте, я понимаю, что я слишком молода, чтобы привлечь ваше внимание на профессиональном уровне, я просто прошу выслушать меня и понять.

– У вас есть десять минут. Но я предпочитаю работать с бумагами, в одиночестве, вероятно, это странно выглядит при том, что я руководитель. Мне лучше думается, когда я один, а информация, и, желательно, доказанная информация, лежит передо мной на бумаге.

– У меня есть информация на бумаге. Я ее вам оставляю. При всем этом я считаю Еву Николаевну социально и профессионально опасной.

– До какой степени опасной?

– До крайней степени.

– Ладно, – сдался Гнатюк. – Объясняйте. Только без специальной лексики, если можно, а то я отвлекаюсь.

– Уже по материалам первого тестирования можно было заметить странную навязчивую ориентацию обследуемой. Эта странность заключается в несовместимости ограниченного... Ну хорошо, – махнула рукой Далила, заметив, как скривился Гнатюк. – Давайте попробуем

проще. Перед нами целеустремленная натура, цельная, богатая, но достаточно ограниченная в своей целеустремленности. Это понятно?

Гнатюк медленно закурил и кивнул.

– Все стереотипы ее поведения добровольно ею же себе и навязаны. Условности в отношениях соблюдаются с маниакальной ненормальностью. Она так исполнительна в работе, что была бы опасна в любой профессии, а для вашей профессии – это полная катастрофа. Если бы она работала бухгалтером, никто никогда не подчистил бы ни одного отчета, но и не получил бы ни одной премии! И это при том, что она любит не работу, – она любит себя в своей работе! Воспитывая детей, она изуродовала бы множество судеб не причисыванием под одну гребенку, а навязанной классификацией каждого индивидуума под личность! Она талантлива и не может представить, что у кого-то может этого таланта не быть, она бы выкапывала эти таланты у каждого ребенка насильственно, до полного разрушения индивидуальности. Особенно опасна она тем, что красива. Уродство служило бы барьером, предостережением всем, кто с нею контактирует, красота завораживает, лишает мозг возможности элементарного анализа.

– А вот, к примеру... Извините, перебил, но вы так хорошо все объясняете... К примеру: Ева – продавец? – Гнатюк смотрел строго, но глаза улыбались.

– Продавец... Если бы вы жили рядом с ее магазином, то уже через месяц ели только правильную пищу, и только церемониально.

– Как это?

– Если вы купили у нее чай, его надо было бы пить из специальной фарфоровой посуды и с гейшей, колбасу вареную есть с газеты и плохо порезанной, попроси вы бутылку плохого портвейна, вы бы получили на закуску кильки в томатном соусе. Для коробки шоколадных конфет нужна была бы роза, для коньяка – лимон, и заметьте! – никакого спасения от всего этого.

– Что, вообще?

– Ну как, вообще... Я ведь не сказала ничего такого, чего, к примеру, не делает мужчина для любимой женщины. Но он это делает по собственному желанию, он любит, пьет чай по-японски, ест колбасу с газеты, пока ему это не надоест.

– Значит, я как покупатель тоже мог бы сменить магазин?

– Конечно, вы очень правильно мыслите! Теперь представьте, – Далила возбужденно схватила свои волосы и попыталась закрутить их сзади узлом. Безрезультатно. Она села боком на стол Гнатюка, не заметив его ошарашено округлившимся глаз, – если вам надоест этот магазин, где вам все так правильно навязывают... вы, ну!

– Пойду в другой.

– Правильно. Если вам надоест зеленый чай в постели по утрам, вы разобьете чайник, прикрикнете на жену, обругаете правильное питание и заварите кофе! Но если вы в камере с решетками... И вам не ступить ни шагу – вы нарушили закон.

– Я понял, – Гнатюк попробовал вытащить бумаги из-под крутого бедра Далилы, она встала. – Ева Николаевна чересчур исполнительна и бескомпромиссна.

– Это все, что вы поняли?

– А что, есть еще что-нибудь?

– Да так, один пустяк. Пустячок... Она профессионально опасна.

– Ну, я так подумал, по-вашему, она и в магазине была бы опасна, и как жена.

– Но у вас был бы выбор, вы помните? Ева выбрала такую профессию, когда у объектов ее внимания выбора нет. Она эгоистично замкнула, подвержена циклотимии!

– Я уже просил без терминов, вы все так хорошо объяснили с магазином! Знаете, как обзовет ее состояние наш прокурор? Он назовет это болезнью новичков. Органы все-таки власть, новичок ловит преступника, а наказание оставляет желать лучшего. Кстати, вам надо

непрерывно побеседовать с ним на тему этой болезни, это будет полезно для вашей диссертации.

– Эта болезнь новичков, она может быть только там, где ловят и наказывают, а Ева будет бороться в любой профессии до конца, она опасна, понимаете! Как следователь Курганова вбила себе в голову, что она выше своих сослуживцев. Она крайне честолюбива, но ей не нужны признания и награды. Только наслаждение от победы! Это же просто катастрофа в вашем ведомстве, ведь добивайся она повышения в чине, признания, ее можно было бы контролировать определенными требованиями того же устава! Но служебная этика, государственные законы и общественная мораль – это не для нее! Это для посредственностей, а ей только мешают получать удовольствие. А вдруг, – Далила приблизила свое лицо почти вплотную к лицу ошарашенного Гнатюка, – представьте только, что все ваши бандиты в ее подсознании виноваты не столько тем, что совершали насилие по отношению к своим жертвам, а и тем, что не совершили насилия над ней!! Это, надеюсь, вам понятно?

– Да, – сказал Гнатюк и тут же поправился: – То есть нет, ничего непонятно!

– Хорошо, объясню понятней: Ева Курганова, кроме всего прочего, отбрасывает общечеловеческие представления о сексе и строит свои. Например, она – девственница, но такая, которая с удовольствием об этом заявляет и строит на этом определенные, замечу – весьма развратные отношения с мужчинами. А что, если у нее понятие девственности крепко увязано с понятием справедливости? Этакая амазонка, сражающаяся со всеми мужчинами вообще?! С положительными и хорошими – в постели, но по ее правилам. А с нарушителями – при помощи оружия!

– Я понимаю вашу озабоченность судьбами всех мужчин на свете, но как я должен реагировать на ваше заявление? Я же не могу уволить офицера только за то, что она девственница? – Гнатюк развел руками.

Далила, тяжело дыша, растерянно посмотрела на Гнатюка и прикусила пухлую губку.

– Да вы работайте, работайте, материал у вас, как я понимаю, богатый и интересный, а у меня, извините, дела! – Гнатюк встал из-за стола и открыл дверь, провожая Далилу. – Только имейте в виду, мне Ева очень нравится. Как специалист! – Гнатюк выставил указательный палец перед открывшимся ртом Далилы и не дал ей сказать. – И я ее в обиду не дам.

А Ева Николаевна вернулась домой на рассвете. Не обнаружив под окнами знакомых машин, наполнила горячей водой ванну, пела там песни и ела апельсин, а потом так сладко и крепко заснула, что утром пятницы почти десять минут не могла поверить, что сегодня не выходной, пока не вспомнила, что надо ехать на любительскую студию.

Очень хотелось есть. Ева набрала номер телефона и сообщила об этом. Ей предложили на выбор блинчики с мясом, тушеную курицу с маринованными улитками, салат из креветок с перепелиными яйцами и желе из красной смородины. Ева сказала, что можно все и без хлеба. Она не спеша оделась, подкрасилась и через пятнадцать минут приехала в маленький переулок у Арбата. В квартире на первом этаже пахло жареным мясом, хорошими сигаретами, хозяин сам открыл ей дверь, поцеловал в щеку, оставив в сторону руки в муке, и показал рукой в кухню.

– У меня в комнате мальчики едят! – сообщил он. – А мы с тобой на кухне посекретничаем, я буду вертеться, а ты кушай и говори со мной. Потом, на кухне у меня не курят.

В комнате действительно ели «мальчики». Богатенькие и несчастные, они прибежали иногда подзаправиться на весь трудный день к Казимиру, но и тут не расставались с мобильными телефонами.

В прошлом году Казимир открыл небольшое кафе, еда была такой вкусной, что надо было подумать о дополнительном штате и большем помещении, тогда и пришли «защитники». Казимир не стал платить, не стал бороться и выяснять отношения, он в два дня закрыл кафе, а

особо приглянувшимся клиентам раздал свои карточки. «Это вам от язвы», – приговаривал он при этом. «Приходите на огонек, попьем чайку в домашней обстановке...» Надо сказать, что подбор клиентов был неплох. Ева встречала здесь двух-трех известных, примелькавшихся на экране политиков, парочку стильных девочек, седой толстяк в смешных маленьких очках оказался известным хирургом, был еще таксист и балерина, всех она, конечно, не знала, ведь это было так просто: набрать номер телефона в любое время суток и сказать, что хочешь есть. Ева почти запретила себе это место – дороговато, к тому же она чувствовала, что иногда клиентов просят о чисто профессиональных одолжениях, но случались редкие дни с такими приступами голода, что устоять было невозможно.

Ева начала с салата из креветок, она не стеснялась отрывать хлеб руками. Казимир суетился у духовки и бормотал бесконечную историю про свою дочку в Польше. После курицы и маринованных улиток Ева с напряжением смотрела на великолепное рубиновое желе с розочкой из крема, обреченно понимая, что не расстанется с ним, пусть ей потом будет плохо! Дочка Казимира в его повествовании второй раз развелась и поделила детей и дом. Еве показалось, что она не сможет больше двигаться, вратет в мягкий диванчик на этой крошечной кухне, пустит маленькие зеленые листочки и замрет навсегда комнатным растением в уюте и запахах настоящего дома.

– Казимир, – произнесла она медленно и шепотом, – я тебя обожаю.

– Ласточка моя, бедная, дай я тебя поцелую. Скушай еще что-нибудь!

Ева замычала, закрывая глаза. В кухню вошел толстый и нервный молодой человек, увешанный золотыми цепями и в ослепительно малиновом пиджаке. Он открыл кран с водой и стал жадно пить.

– Зайчик мой, бедный, как же это, там же сок, что ж ты воду?

– Я только водой напиваюсь, – строго сказал он Казимиру, цепко и быстро охватив взглядом Еву. – Подбросить тебя? – это уже ей.

– Спасибо, зайчик, я на колесах.

– Это что, желе? – Он дернул тарелку. Желе призывно и восхитительно задрожало. – У меня не было.

– Солнышко мое, у тебя же повышенная кислотность, дай я тебя поцелую, спаси тебя господь, удачи тебе сегодня! – Казимир топтался у дверей, малиновый пиджак все не уходил, оценивающе оглядывал кухню.

– Что это у тебя квартира такая маленькая, а кухня – нора? Позвони мне вечером, я как-то раньше не замечал.

Ева с сожалением поднялась и пошла к телефону в прихожей. Она долго рылась в сумочке, потом нашла цветной тисненый квадратик с золотыми буквами «Стас Покрышкин», набрала номер. На том конце долго никто не подходил, Ева лениво разглядывала дружков малинового пиджака, доедающих песочный торт за круглым столом с плюшевой скатертью. Ей даже показалось, что она задремала чуть-чуть. Если бы не обжорство, она бы уже положила трубку, а так ей просто было лень двигаться, и она дождалась.

– Чего надо? – Голос был испуганный и тонкий.

– Следователь Курганова вас беспокоит. Я по поводу несчастного случая на студии в июне.

Мальчики за столом, как по команде, подавились и закашлялись. Тут же прибежал Казимир, принес водички.

Она договорилась о встрече, пожелала всем приятного аппетита. День, как обещало вчера ночью ясное небо, был хорош. Спокойное солнце, яркие краски листьев, тепло...

Стас Покрышкин, утонченно худой и бледный, неопределенного возраста, с лицом тонкой и старательной лепки, которое определяло натуру художественную, занимался этим утром

тем, что мыл пол. Студия Стаса – это огромная четырехкомнатная квартира, в которой сломали почти все перегородки, а пол выложили бледно-голубой плиткой. Ослепительно белые стены терпели рядом с собой только сложные конструкции из стекла и металла. Когда позвонил телефон, Стас замороженно рассматривал ведро с тряпкой в розоватой жиже у своих ног, он не мог сдвинуться с места, настолько необычны и нереальны были и ведро, и тряпка, и он сам с босыми ногами в ослепительно фиолетовом кимоно на голом теле рядом с этими предметами, не говоря уже о том, что он в жизни не мыл полов. Стас не помнил никакой Евы Кургановой, поэтому сначала он перечислял в трубку предполагаемые имена нахалов, побеспокоивших его такой шуткой с утра, а потом просто положил трубку и задумчиво вернулся к ведру.

Осталось отмыть несколько ступенек. Стас уже ругал себя, что не сделал это вчера сразу после съемок, но он очень устал тогда, а сейчас некоторые пятна засохли и не отмывались. Стас включил музыкальный центр. Грянул Бах. Стас сделал несколько па, скользя яркой птицей в огромном белом пространстве, потом вздохнул и взялся за тряпку.

Почти посередине студии был сооружен подиум, вернее сказать – это была круглая арена, к которой вели ступеньки. Пять ступенек по всему кругу. Сейчас на этой арене стояла огромная, почти квадратная кровать с белым шелковым бельем и красным атласным одеялом. В нескольких шагах от подиума, ближе к стене, находился искусственный камин с вычурной отделкой под розовый камень и полукруглой металлической решеткой, состоящей из острых пик. Пики переплетались волнистым стеблем с небольшими, тщательно выполненными листочками и цветами, из стебля, чуть отогнутые наружу, шли пики поменьше.

Почти вся студия была пустой, лишь несколько металлических изогнутых стульев у стеклянного низкого столика. В стиле стульев две полки – металл и стекло – почти прозрачные, на них несколько книг и безделушки. Только одна из стен полыхала ярким пятном: огромный аквариум был вделан внутрь стены и ограничен по ее поверхности пластиковой рамой. Аквариум подсвечивался, живая картина завораживала необычайной колышущейся зеленью, в которой уныло и сонно всплывали и тонули совершенно белые лягушки.

Из студии две полукруглые арки вели в кухню и небольшую комнату, превращенную в гардероб – вешалки на колесиках с театральными костюмами, полки с обувью и шляпами. Сейчас гардероб был изрядно забит стойками с мощными лампами и видеокамерой.

Входную дверь тоже попытались украсить аркой, но получилась нелепость, потому что дверь была массивной, металлической, с несколькими замками и большой задвижкой во всю ширину двери.

В дверь настойчиво звонили.

Стас с досадой вздохнул, бросил тряпку и подошел к двери. Задержав дыхание, посмотрел в глазок.

На лестничной площадке стояла обалденная женщина; она почувствовала, что ее разглядывают, подмигнула и сделала губами поцелуйчик в воздухе.

Стас открыл. Ева ошарашенно разглядывала большое пространство.

– Проходи и раздевайся. Что за идиотская прическа, тебе вообще бы пошло налысо. Хотя, посмотри парик в гардеробе, – Стас вернулся к ведру, вздохнул, двумя пальцами закинул тряпку в ведро и отнес его в гардероб.

– Меня зовут... – начала было Ева, но Стас ее оборвал.

– Совершенно никого не интересует, как тебя зовут. Ты сама ко мне пришла, или я тебя где-нибудь нашел?

– Э-э-э... как сказать...

– Презентация этого придурка в Доме литераторов? Нет? Снималась раньше? Нет? Раздевайся, мордашка у тебя ничего, и ноги сильные, дальше посмотрим. Кофе или чай?

– Нет, спасибо, не хочу – Ева сняла пиджак.

– Я не употребляю спиртное, – раздраженно заявил Стас, остановившись в дверях кухни.

– Ну и?.. – Ева не поняла.

– Ну чай или кофе, наконец!

– А, тогда все равно, только мне придется сблевать после этого. Есть предел наполняемости желудка, понимаешь. Кстати, где у тебя блюют, покажи заранее.

Стас Покрышкин выключил в кухне чайник, постоял, тупо глядя на изящные темно-синие чашки с золотом по ободку, и почувствовал опасность напряжением под ребрами в области желудка.

Он осторожно выглянул из кухни. Ева разглядывала аквариум. Она было решила, что лягушки дохлые, но тут одна из них дернула задними лапами, медленно и сильно, и стала всплывать вверх.

– Почему ты не раздеваешься?

– Я переела, понимаешь? Кстати, ты тоже будешь раздеваться? – Она теперь смотрела на голые ноги Стаса, выглядывающие из-под кимоно.

– Ты кто, как тебя зовут?

– Так ведь никого не интересуется, как меня зовут. Давай хотя бы выясним, как зовут тебя.

Ты – Стас?

– Да, я Стас. Разве ты пришла не на пробу?

– А что я должна пробовать?

Стас тоскливо вспоминал, где у него пистолет. Пистолет лежал под подушкой на огромной кровати, которая стояла на подиуме, к которому вели пять ступенек.

– Послушай, я снимаю интересные фильмы про красавиц и злых вампиров. Ко мне должны сегодня прийти на пробу. Для фильма «Страсть вампира». Я подумал, что это ты. Правда, рановато.

– Ты снимаешь порнофильмы, крутую эротику с элементами насилия.

– Кто это сказал? – Стас вспотел.

– Так написано в протоколе.

– В ка...ком таком протоколе?

– В милицейском... Ты, конечно, можешь поспорить со мной и с протоколом, что является крутой эротикой, а что нет, но я пришла по другому поводу. Я тебе звонила.

– Господи, как ты меня перепугала! – обрадованно закричал Стас, облегченно вздохнул и ушел наливать себе кофе. – Ну конечно, ты Ева... как там... не помню, я думал, что это шутка, у меня оператор, мой друг, он иногда странно шутит, но специалист золотой!

Стас поставил на стеклянный столик поднос с одной чашкой кофе, маленьким серебряным молочником и длинным стаканом с соком.

– Однажды он позвонил, сказал, что для меня есть обалденная натура и что нужно за ней немедленно приехать в морг, смешно, да?

Стас с наслаждением нюхал кофе в чашке, отставив ухоженный длинный мизинец. Ева смотрела на пятна, которые он так и не домыл.

– Что это?

– А, ерунда, кровь. Вчера снимал, устал как собака. Девочка тоже притомилась, потом она... не для вашего протокола, ладно, по-дружески? – она немного подбадривает себя иногда, отрубилась, убрать было некому. А в обед у меня натура, – он поставил чашку, сделал глоток сока, потом опять глоток кофе. – Я подумал, что ты – на пробу.

– Кровь, значит... И откуда?

– Из банки. У меня еще три банки осталось, если тебе надо. Нет, ты не подумай, я подделок не люблю, у меня кровь настоящая, не веришь?

– И банки у тебя – трехлитровые?

– Да нет, маленькие, из-под детского питания. Понимаешь, сейчас такая техника, что на общем плане еще пойдет соус, и то не очень. Там, – он неопределенно махнул головой назад, –

вроде научились цвет брать подлинно, а у нас с этим всегда проблема была, но когда я делаю крупный план, у меня героиня так небрежно пальчиком берет... облизывает... фактура должна соответствовать! Я – художник.

– Художник... У тебя в июне погибла на съемках девушка. Марина Улыбка.

– Ужасный случай! – загрустил Стас. – Такая актриса, понимаешь, вот что обидно, такая актриса! Обычно как бывает, тело – обалденное, а лицо глупое, лицо обалденное, а рот раскрывать нельзя, а тут – все было при ней. Я очень переживал, что и говорить. Я этот фильм до сих пор не могу смотреть.

– «Любовь вампира», если я не ошибаюсь?

– Нет, это «Сны вампира», а в «Любви» у меня другая снималась. «Сны» более сюрреалистичны. Господи, мне так нравилось работать с Мариночкой!

– И как же это произошло?

– Извини, – Стас обхватил голову руками и театрально вздохнул. Ева подумала, что если он сейчас начнет изображать непомерную скорбь, то она сорвется, но вдруг услышала совершенно спокойный и строгий голос: – Извини, конечно, но не могла бы ты показать свои документы.

– Вот так, значит, раздеваться больше не нужно?

– Не нужно. Документы, пожалуйста.

– Из моих рук, – Ева развернула удостоверение.

Стас приблизил к ней лицо. Она вдруг заметила не до конца смытую с ресниц тушь.

– Минуточку, извини, – он набирал номер по телефону. Ева пошла к камину с кованой решеткой.

– Да, я понимаю. Но мне сообщили, что дело закрыто, несчастный случай. Да, я понимаю, я не волнуюсь, просто мне нужно решить, приглашать ли адвоката, вы меня тоже правильно поймите, постоянные преследования, штрафы, а ведь я художник, я должен работать, вот что важно. И потом, ко мне пришли домой! Да, спасибо, спасибо, я спокоен.

Стас сел на стул. Он оценивающе уставился на Еву. Ева поднялась на подиум и смотрела через белое пространство комнаты на него. Спустя несколько минут Ева заметила, что он определил для себя стиль поведения, расслабился, сцепил пальцы, хрустнул ими и дружески улыбнулся ей.

– Так как же это произошло?

– Все произошло так, как записано в протоколе, из-за осла.

– Из-за осла... А где был осел?

– Осел висел над кроватью, – Стас показал рукой вверх. Ева подняла голову, над кроватью из потолка торчал большой крюк. Только теперь Ева заметила, что не видит ни одной лампы. Потолок тоже был абсолютно пуст, только этот крюк. – Осел немного кружился, а Марина стояла приблизительно там, где стоите вы. Вдруг осел дернулся, Марина испугалась, отскочила назад, упала со ступенек и напоролась на решетку камина.

Ева оглянулась назад. Камин выглядел безобидно. И стоял далеко.

– Камин передвижной, он стоял рядом со ступеньками. Кстати, этот подиум, на котором вы сейчас находитесь, вращается, да-да, мне обошлось это в копейку, но зато просто шик!

Ева опустила на колени и осмотрела место соединения подиума со ступеньками. Очень качественная работа, что и говорить.

– Я хотела бы узнать вашу сексуальную ориентацию.

– Это что, нужно для следствия? Потрясающе! Я оркестроподобен.

– Что это значит? – Ева спустилась со ступенек и внимательно осматривала копыя решетки.

– Это значит, я хотел бы попробовать в жизни все, но предпочитаю женщин. Чтобы вам было яснее, на мне можно играть всем, но только гений затронет самые потайные струны!

– Я спросила, потому что у вас на лице следы макияжа.

– А вот у вас на лице нет следов макияжа, следует ли из этого, что вы лесбиянка?

– Из этого следует, что сегодня у меня трудный день.

– Знаете, я по профессии стилист. Отрабатываю стили, говорят, талантливо, хотя, что такое талантливый стилист? Это значит, что он напрочь лишает вас вашей, пусть и не совсем удачной индивидуальности и навязывает выгодный ему стиль. Я помог многим эстрадным дивам лишиться индивидуальности, хотите, сделаю вас приспособленной.

– Нет. Не хочу.

– Но ведь у вас на лице полная растерянность, отсутствие макияжа, вы как будто собираетесь плакать, а вашу ненависть ко мне я просто чувствую! Никакой приспособленности, этак вы меня скушаете, но обвинить в чем-то не сумеете. А мой макияж вполне объясним: я часто сам снимаюсь в своих фильмах, вчера была моя сцена.

– Вы были вампиром?

– Нет, я страдающий любовник. Какой из меня вампир? Я должен, страдая, наблюдать предсмертные судороги своей возлюбленной...

– А где ваша возлюбленная?

– Философский вопрос, если вы не имеете в виду, где сейчас находится вчерашняя актриса. Я вижу, что вас интересует именно актриса. Ничем не могу помочь. Это была одна из восьми возлюбленных этого фильма.

– А вы снимаете ваши фильмы по сценарию?

– Да, у меня есть сценарий, хотя он поместится на странице. Главное в таких фильмах – актеры и диалоги. Вы не замечали, как можно испохабить самый замечательный приключенческий фильм, навязывая зрителю дурацкий разговор героев, и как можно оживить любую чушь емким и образным диалогом. А что касается актрис, ко мне можно прийти на один вечер, раздеться или, соответственно, одеться, – он кивнул в сторону гардероба, – отыграть, что я скажу, получить деньги и уйти. Трех часов мне вполне достаточно, таким образом я собираю материал, потом монтирую, что понравится, а актриса может совершенно не знать, в каком фильме она снялась.

– Вы работаете здесь? А где вы монтируете фильмы?

– Все здесь, – Стас устало обвел рукой свою студию. – Знаете, почему я вас раздражаю? Вы не верите, что я талантлив, вы вообще не верите, что я УМЕЮ. Вы хотели сблевать – это в монтажной. – Он провел Еву в гардеробную, откуда небольшая дверца открылась в совмещенный санузел и монтажную.

Большая, метров двадцать, комната с унитазом, биде и ванной в одном углу и дорогой монтажной аппаратурой в другом, не имела окон. Стол и пол были завалены кассетами, возле ванной на полу стояла початая бутылка коньяка. Стас заметил внимание Евы к бутылке и пояснил:

– Мой оператор. Он, вообще, пьет, но талантлив, и потом, у него полная шизофрения, такая удача! Талантливый шизофреник – это находка. Мы работаем практически вдвоем, он и я, ну и, конечно, актеры, но это случайные люди.

Ева устала. Она оделась, подхватила свою сумочку с пола и напоследок решила все-таки получить ответы на некоторые вопросы, только чтобы коротко и ясно, без художественных отступлений. Так, уходя, она выяснила, что Стас Покрышкин не употребляет наркотиков, не состоял в законном браке, не привлекался за изготовление и распространение порнофильмов.

Пятница, 18 сентября, вечер

– Если она погибла в июне, почему с этим возятся до сих пор?

Далила согласилась встретиться с Евой вечером и съесть мороженое. Они с трудом нашли кафе, где не курят. Ева залила шарики своего мороженого ликером «Шартрез», а Далила черным кофе. Ева уговаривала Далилу поговорить профессионально с оператором Стаса Покрышкина.

– Я сама виновата. Решили закрыть, как несчастный случай. В квартиру выезжала не я, Николаев тоже был в отпуске, так и получилось, что ни он, ни я не видели все это. Теперь оказывается, что там был еще и осел. Я просто тупею от этого осла, он у меня никуда не вписывается...

– А откуда взялся осел? Вот так просто в городе найти осла, и притащить к себе домой, и еще повесить его над кроватью?

– Это актер.

– Актер изображал осла?

– Нет, осел – актер в Большом театре, его привозят на спектакли. На Дон Кихота, по моему, и еще на какой-то, – его и лошадь, а так он живет за городом. Понимаешь, я случайно увидела крутую эротику про вампиров и вспомнила эту девушку. Ты, кстати, знаешь, что теперь вампиры кусают не так, как раньше?

– Как это?

– Ну, они теперь высосут у тебя кровь не из обычного места на шее, а из разреза на ладони между указательным и большим пальцем. Или, как в том фильме, который я смотрела, они кусают в шею сзади, жертва тогда может закидывать голову вверх перед объективом...

Далила смотрела сквозь щель между тяжелыми занавесками в окно на зажигающий фонари город.

– А при чем здесь осел?

– А... Я тоже поинтересовалась. У осла очень большой детородный орган. Некоторым нравится смотреть.

– Зоофилия и скотоложество, – с ходу определила Далила.

– На съемках тогда было пятеро. Стас – режиссер и исполнитель одной из ролей, не знаю какой, но не вампира, его оператор, Марина, еще одна девушка Инга и осел. Трое дали показания. Совершенно сумбурные у оператора и девушки Инги и подробно-точные у Стаса Покрышкина. Инга и Стас лежали на кровати, сверху висел осел. Марина танцевала на подиуме рядом, осел висел, оператор снимал. По словам свидетелей, осла что-то не понравилось, он расставил в стороны ноги и стал дергаться, Марина испугалась, оступилась и упала вниз на решетку.

– Какая все-таки сука, – пробормотала Далила, подперев голову ладонью. – Я сегодня весь день тестировала работниц одной фирмы и бухгалтеров, вот это я понимаю, дух захватывает, а тут... ослы... вампиры!

– Был проведен следственный эксперимент, – продолжала Ева, – манекен в двух случаях из восьми упал с подиума на эту решетку именно так, как Марина, – навзничь, и получил повреждения в области шеи. Но только в прошлом месяце, когда дело решили закрыть, я обратила внимание на одну деталь и написала докладную. Забинтованная рука девушки Инги.

– Слушай, давай напьемся, завтра выходной, – предложила Далила.

– Давай поедem к Стасу Покрышкину, поговорим с оператором, там и напьемся. У них сейчас самая работа начинается.

Далила помотала головой из стороны в сторону, подметая стол волосами.

– Нет. В такой компании пить нельзя.

– Может, и нельзя. Загрызут...

– Давай посмотрим его фильмы.

– Не хочу. Я пыталась. Сначала мне показали скукотищу про унылого вампира, пятьдесят пять минут. Потом один опер из моего отдела нашел тот же фильм, но круто-эротичный, час тридцать, прибавилось тридцать пять минут крутой эротики, потом мы нашли еще один с тем же названием, но сплошные ужасы, час двадцать, море крови. Кстати, надо узнать, где он берет кровь. А потом в «звездах русской эротики» одна из новелл – тридцать пять минут, как ты понимаешь, только эротика. И все это – «Сны вампира». Разумеется, Стас признает свое авторство только в случае скучного фильма про вампира и с ужасами, на пятьдесят пять минут. Да, это его знакомые актрисы сняты в фильмах с тем же названием неприличного содержания, но он понятия не имеет, какой нахал использовал его материал в таких гнусных целях.

– Ты все время думаешь о работе. Я сказала твоему начальнику, что ты профессионально опасна.

– Гнатюку?

– Да.

– Молодец. Главное, найти, кому сказать. Он и так меня любит, а теперь еще и ценить будет. Тут ты, психолог, прокололась.

– Я не выбирала тебе начальника.

– Напиши докладную повыше, в прокуратуру.

– Спасибо. Учту. Я теперь буду работать с тобой, описывать тебя, изучать. У меня есть официальное разрешение, – Далила устало поднялась и собралась уходить, Ева подошла к бару и заказала коктейли.

– На брудершафт? Амаретто с лимонным соком. Изучать так изучать!

– Мне еще за ребенком ехать и гулять с ним, – вздохнула Далила, но выпила, потом притянула к себе Еву и крепко поцеловала в губы.

Они вышли на улицу в дождь. Сентябрь холодал, подул ветер, дождинки неприятно кололись.

– У меня есть дачка недалеко от города. Ничего особенного, надо топить печку, но красотыща вокруг! – Далила подняла воротник плаща. Она отказалась ехать за ребенком с Евой. – Запоминай адрес, ключ в сарае под полкой с банками слева от двери. Да! Вот что... Целуешься ты как-то неправильно.

– Это от чувств! – улыбнулась Ева.

Ева подъехала к маленькому поселку уже поздно ночью, сначала она погоняла по Кольцевой, потом слушала, как гудят провода в пустом поле. Потом искала ночной магазин, чтобы на дачке выспаться и отдохнуть с какой-нибудь едой. Поселок словно вымер. Ни огонька. Она тихо проехала по пустым улицам и поняла, что никто ничего ей не подскажет. В конце одной из улиц тускло светило желтое окошко.

– Простите, тетенька-дяденька, где тут у вас улица Березовая, дом пять? – прорепетировала она в машине.

Калитка тонко пискнула, ступеньки освещал небольшой фонарь. Над фонарем висела табличка. Ева прочла, что это улица Березовая и дом пять. Она растерянно постояла на пороге, потом осторожно обошла дом и заглянула в светящееся окно, встав на цыпочки. Голубел экран телевизора, в небольшой комнате горел торшер в виде большой поганки, у торшера стояло старое кресло, в нем спал, раскинув в стороны ноги и прижав двумя руками к голому животу бутылку, крупный светловолосый мужчина. На нем были только семейные трусы.

Ева вернулась на крыльцо, тронула дверь, она открылась. В темном коридоре Ева задела ведро на полу, раздался страшный грохот. Теперь неожиданно войти не удастся. Ева подумала, уж не уехать ли ей сразу. Дверь в комнату медленно открылась. В светлом проеме стоял огромный, как ей показалось в потемках, роста мужчина, все еще прижимая к себе бутылку с водкой.

– Господи, – восхитился он, – вот это красавица! Ты мне снишься? Все равно – проходи. Я немного выпил и разделся, ну проходи же! Смешно, ты – мечта, а топчешься в двери. Я тебе тоже сделаю выпить. Медицинский коктейль. Будешь пить?

– А что это такое?

– Это полстакана водки и... полстакана спирта! Убойный коктейль, если хочешь отключиться.

Ева почувствовала запах этого странного мужчины. От него пахло необычно, но очень приятно... Она поймала себя на том, что принюхивается, понимая, что пахнет потом, кожей и еще чем-то неуловимым... Ева подошла поближе, мужчина ходил по комнате, разыскивая чистый стакан, она ходила следом, боясь потерять запах.

– Пить надо залпом! – приказал гостеприимный хозяин. Ему с трудом удавалось сфокусировать свой взгляд.

– Я не хочу, – Ева отвела его руку.

– Да кто же такое хочет пить! Никто не хочет, но эффект потрясающий! Пьешь – и сразу понимаешь, кто есть ты и кто есть я!

– Ладно, допустим, я узнаю, кто есть ты. А мне это надо?

– Потом сравним.

– В смысле?

– Ну... – он покачивался и моргал, крепко зажмуривая глаза на несколько секунд, – совпадают ли наши мнения. Что я думаю о тебе, а ты обо мне.

– Как я могу думать о тебе, я тебя только что увидела?

– Разве я – не мужчина твоей мечты?

Ева задумчиво осмотрела мужчину, который был о себе такого высокого мнения.

– Ну смотри, – он устал покачиваться и потащил ее за рукав к дивану, шумно сел и широко расставил колени. На ногах у него были татуировки. – Я – блондин, это раз. Потом, я очень добрый и умный! Это четыре. Можно я тебе руку поцелую? На самом деле я просто хочу потрогать тебя и понюхать, ты так потрясно пахнешь!

И Ева выпила медицинский коктейль. Надо сказать, что с употребленным ранее он произвел почти мгновенное действие.

К утру Ева замерзла, вылезла из кровати и стала искать, чем еще укрыться. Здоровяк спал рядом, он умудрился закутаться во сне в два одеяла, а ее раскрыть. Ева стала стаскивать с него одно из одеял. Наконец ей это удалось. Она укуталась и села рядом с ним. Перед ней лежал огромный блондин с почти белыми волосами на голове и густой порослью рыжих волос на груди, руках и ногах. Он блаженно улыбался во сне. На правой ноге над коленкой было написано «Бей блядей!», а на левой – «Спасай Россию!».

Ева почувствовала себя совершенно растерянной, она помнила, как ей стало плохо, наверное, ее даже рвало, здоровяк взял ее на руки и отнес в постель, там он ее заботливо укутал, сел рядом и стал на полном серьезе рассказывать сказку про Машу и трех медведей. На словах «А кто это спал в моей постельке?» он вздохнул и завалился на бок. Ева подвинулась и вскоре тоже заснула. Ей было спокойно и хорошо.

Здоровяк проснулся, улыбнулся во весь рот и спросил, что она хочет поесть.

– Ты кто? – на всякий случай шепотом спросила Ева.

– Я Володя. Сантехник. Куропатку будешь?

– Откуда... Где ты взял куропатку?

– Я ее, это самое... стрéлил. Может, это и не куропатка...

– А что ты здесь делаешь?

– Я здесь бомжую по пятницам и субботам. В принципе, хозяева меня знают... немножко, но они в августе сваливают – и до весны. А здесь хорошо.

– А что я здесь делаю... почти голая?

– Ты ничего не делаешь. Ты – иллюзия. Или снишься, что, в принципе, одно и то же. Мираж! – Он лихо зевнул и потянулся. – Куропатка вчерашняя, я ее вчера стрéлил и зажарил, но не успел закусить.

– Володя, извини, конечно, но, наверное, я не иллюзия, потому что жутко хочу писать.

– Это роли не играет, – заявил он строго. – Это только придает обманчивый оттенок достоверности, как сказала бы моя сестрица.

На улице шел дождь. Очень холодный ветер раскачивал деревья и отряхивал их на Еву, она вбежала в дом почти мокрая.

– Ужасная погода, – сказала она в спину сантехнику, разжигаящему огонь в печке.

– Ничего подобного. Было бы обидно, если бы светило солнце, стояла теплынь и ясность. В такую погоду именно и надо сидеть у печки, нагружаться водкой и рассказывать сказки.

Понедельник, 21 сентября, утро

В кабинете у Евы сидел вызванный по повестке Стас Покрышкин, Николаев предложил «работать его вместе и добить до вторника». Ева согласилась, но теперь, глядя на сонного Стаса, сомневалась насчет вторника. Николаев тоже был какой-то сонный, на подоконнике закипал чайник, на него была вся надежда. В окно хлестал мокрый снег.

Ева проснулась сегодня утром на даче Далилы от молочно-белого света из окна. Она, не веря, подошла к окну, затаив дыхание, на улице действительно было белым-бело. Деревья стояли отяжелевшие, с последними заснеженными листьями и жутко неподвижные. Было очень рано, только светало, Ева неспешно оделась, обошла весь дом, но так и не нашла даже намека на пребывание здесь сантехника Володи. Он исчез. Неизвестно когда.

А Москва съела весь свой снег, дороги и дома проснулись серыми и грустными. Подъезжая к Управлению, Ева уже не верила ни в снег, ни в выходные, ни в сантехника с его куропаткой, подозрительно огромной и жирной.

Чайник закипел. Все трое задвигались, Ева налила три чашки, от души сыпанув сахар, но Стас Покрышкин успел страдальчески замычать и с художественной пластикой взмахнуть перед Евой руками: он спас свой кофе от сахара.

– Пусть мне покажут статью, – он отпил первый глоток и приготовился к борьбе, – где написано, что я нарушаю закон, снимая половой член осла!

– Николаев, есть у нас такая статья?

– Нет, Ева Николаевна, такой статьи у нас нет. Я вообще не помню, говорится ли в Уголовном кодексе что-то про ослов. Но я тут посмотрел одну фильму. Там наша пострадавшая совокуплялась с Кинг-Конгом, да-да, с огромной обезьяной, в пять раз больше самой пострадавшей! А этот... молодой человек изображал спасителя героини от обезьяны.

Ева с сомнением посмотрела на Николаева.

– Что, действительно в пять раз больше?

– Ну, я не уверен, может и в шесть раз, но девица была как раз размером с его ногу до колена.

– Чью ногу?

– Обезьяны!

– Николаев, ты что-то путаешь, как же она могла заниматься с ним...

– Ну, она везде по нему ползала, по разным интимным местам, эти интимные места были т-а-а-акие большие!

– Господи, – не выдержал Стас Покрышкин. – Мне очень жаль, что вам попался именно этот бездарный фильм моей молодости, да, я его помню, я даже горжусь, что сумел создать такой шедевр в эпоху полного отсутствия компьютерной графики и спецэффектов, но ведь показывая муляж полового органа чучела обезьяны, я тоже не попадаю ни под какую статью!

Николаев, соглашаясь, кивнул головой.

Несколько минут все молча допивали кофе.

– А я тут посмотрел еще одну фильму... – скучно процедил Николаев. Ева уставилась на него с интересом. – Там было все наоборот. Огромная такая женщина, у которой не видно даже конца. В смысле, у нее не видно верхней части туловища и головы. Только низ, но с очень достоверными подробностями! В этот низ входит, вернее, пролазит наш допрашиваемый и путешествует туда-сюда. По-моему, он дошел у нее внутри до желудка и пытался построить там шалаш.

– Да вы вообще представляете себе, что такое искусство?! – заорал Стас Покрышкин. – Ну арестуйте Дали, арестуйте, объявите всемирный розыск за то, что он нарисовал половые

органы! Выройте Рубенса и наденьте на него наручники за обнаженку! Варвары!.. Никакого образования. Понятие «сюрреализм» вам что-нибудь говорит?

– Тебе что-нибудь говорит? – спросил Николаев.

Ева удивленно вытаращила глаза и покачала головой.

– Потом я посмотрел еще одну фильму... – Николаев проговорил это уже совсем грустно. – Но в этой фильме я вообще ничего не понял. Там все пожирала друг друга, начиная с этих самых нижних мест. Называется «Завтрак с вампирами».

– Я не имею к этому никакого отношения, – торопливо возразил Стас. – Кто только не снимал чего-нибудь про вампиров, только самый последний эстет не снимал.

– И они все это ели, – продолжал Николаев, – на такой огромной кровати. Кровать стояла на постаменте, вокруг постаменты стояли манекены. А кровать еще вертелась по кругу.

– Я так и знал, что вам не дает покоя моя студия. Людям вашей профессии свойственно отвергать все новое, необычное, вы привыкли жить в норах. Вот, пожалуйста! – он вытащил из кармана глянцевый листок, расправил его и положил на стол.

Это была вырванная из большого и дорогого журнала страничка. Белая-белая комната с большой кроватью на круглом постаменте, со стены бьет в глаза несуразно яркая картина.

– Это каталог, понимаете?.. Из немецкого журнала, понимаете?! И любой человек с достатком и вкусом, конечно, – добавил злорадно Стас, – может заказать себе такую спальню!

– Николаев, ты бы выбрал такую спальню?

– Я, Ева Николаевна, сексуально здоров, зачем мне так крутить моих женщин?

– Если вы будете надо мной издеваться, я приглашу своего адвоката. Его нет до сих пор только потому, что я надеялся на доверительный разговор, мне нечего скрывать, но в случае издевок я попрошу себя защитить!

– А вы, Стас, напрасно на меня обижаетесь. Разве я издеваюсь? Я просто вас презираю, и все. Чувствую, что не должен вас презирать, а тем более говорить об этом, но презираю и говорю. Сейчас объясню! – предостерегающе поднял руку Николаев и не дал что-то сказать возмущенному Покрышкину. – Сейчас... Я мужик здоровый и простой, так поганно, как вчера, я еще свои выходные не проводил, а все из-за тебя. Я отрыл человека, коллекционера, так сказать, он коллекционирует необычную эротику и называет ее дорогой эротикой. Я взял у него кассеты. Я купил бутылку и пригласил одну знакомую. Ты ее не знаешь, – это Еве. – Мы завалились смотреть твои фильмы. Мне сказали, что ты делаешь эротику. А я это дело очень даже уважаю. Сначала я смотрел, как ты залез в эту бабу. Потом все вы, эстеты, жрали друг у друга причинные места, потом одна твоя талантливая актриса засовывала в задницу одному вполне приличному мужику такое... Короче. У меня совершенно ничего не стояло вчера, мне плохо еще и сегодня, и не знаю, когда я вообще смогу подумать о том, чтобы просто перепихнуться, понимаешь ты? Зря ты так отмахиваешься, Стас, потому что я для тебя теперь наипервейший человек, я заявляю: то, что ты делаешь, – это не эротика, и порнографией тут тоже не пахнет, а слово «секс» и близко не стояло. Поэтому ты, Стас, перед законом чист. Нет еще наименования твоему искусству.

В наступившей тишине Ева во все глаза уставилась на Николаева.

– Она не верит! – показал на нее Николаев. – Смотри, Стас, не верит!

– Я действительно новатор в своей области, – Покрышкин успокоился и с достоинством выпрямился на стуле.

– Да ты не про то. Она не верит, что у меня теперь – все. Ничего и никогда не встанет после твоего искусства. Но я тебе еще не все сказал. Ты впечатляюще делаешь блевотину, но совершенно не умеешь показывать жизненные вещи. Например, смерть. Ну что у тебя за смерть, скажи, пожалуйста! Актрису натурально жрет вампир, сначала, понятно, она получает удовольствие, потому что любит его, но потом, почему она у тебя так ненатурально начинает

тарашить глаза, что-то спрашивает? Не видел ты смерти, Покрышкин, лица такого, когда человек уже ТАМ.

Стас, замерев, смотрел на Николаева. Николаев вдохновенно прошелся по кабинету, остановился у окна.

– А что ты от них хочешь? Люди искусства, – Ева встала и подошла к Николаеву. – Когда им все запрещают, они из кожи вон лезут, идут под статью, но что-то делают. Когда все можно, делай – не хочу, штампуют пошлятину для импотентов. И девицы у них какие-то... Ну ладно, не нравится ей трахаться перед объективом, понятно, она глаза закатывает, изображает страсть, но называет себя актрисой. Ладно, актриса, сыграй радость или горе, смерть, например, их этим приемам должны на первом курсе обучать. А у тебя, Стас, действительно не смерть, а культпоход в театр.

– Это ты мне говоришь? ТЫ, как я должен показывать смерть!.. Да ее снимать очень просто, ее сделать трудно! Вы – два таракана в этой клетке... Что вы понимаете в искусстве, ей-богу!

– Слушай, Николаев, оказывается, ты ничего не понимаешь в искусстве. Его актриса, ну, которую загрызает вампир, такое чувство, что она сейчас или подпустит монолог, или запоет, как в индийском кино, у них всегда поют перед смертью.

Потом Николаев сказал Еве, что, вероятно, это именно индийское кино добило Стаса Покрышкина.

«И раннее утро», – добавила Ева потом. «И раннее утро», – согласился Николаев.

– Ну, вы, знатоки в погонах! Знаете, что она говорила? «Что со мной происходит? Я действительно умираю?» Она поняла, что умирает!

– Стас, – сказала Ева, – тебе нужен адвокат.

Николаев ничего не понял:

– На кой ему адвокат?

– Он убил на съемках актрису. Может, не одну. Во имя искусства.

Стас с трудом сдерживал дрожащие руки.

– Ты хочешь сказать, – изумлению Николаева не было предела, – что я вчера видел правдоподобную смерть?

– Это тебе не палить по преступнику в подворотне, не забить до смерти на допросе! – завизжал Стас. – Все, вы меня достали! Я не буду говорить без адвоката.

Ева вызвала конвой и сказала Стасу, что он задержан. Изумление не сходило с лица Николаева.

– Ну, напарник, мы это сделали!

– Ты что, серьезно? Ты с самого начала знала, что он... А я-то думаю, чего это ты такая примерная, глаза тарашить. «Да, Николаев?», «Нет, Николаев?» Я думал, ты с бодуна. Подожди, я не верю...

– Это твои рассуждения про его фильмы натолкнули на такую мысль, я позавчера тоже не верила. У меня по плану было напустить на его оператора Далилу-психолога, раз уж она будет теперь тут под ногами вертеться, но тоже что-то саднило. Почему его фильмы так неуловимы и дороги? И я поняла: они настоящие!

– Ну слушай, он там столько поубивал... Боже мой! – закричал Николаев. – А сколько он сожрал!..

Понедельник, 21 сентября, вечер

Адвокат Покрышкина прибыл уже через час, когда Ева с Николаевым были на выезде. Возле Крымского моста расстреляли автобус с китайской экскурсией. Ева пряталась от пронизывающего ветра за спиной Николаева, она была в куртке – не переделалась потеплей с пятницы и рассматривала разбросанные на асфальте игрушки. Несколько китайцев выбежали из автобуса и тут же упали под пулями. Николаев толкнул ее локтем и показал глазами через улицу. На той стороне стоял Коля-осведомитель. Он увидел Еву и показал, как будто что-то пишет пальцем у себя на ладони. Потом быстро повернулся и ушел.

– Чего это?

– Твой новый опер передал тебе записку от Коли?

– Не было такого.

– О-о-о, черт! Коля приходил к тебе, когда брали Кота. Я отдала его оперу, – Ева говорила с досадой.

В Управление они вернулись злые. Оперуполномоченный Волков взял больничный лист и на работу не вышел. В кабинете Гнатюка их ждал адвокат Покрышкина.

Маленький, упругий в движениях, как мячик, адвокат блестел круглыми стеклышками очков, спешил и нервничал. Он требовал взять с Покрышкина подписку о невыезде и отпустить его домой, пока не случилось непредвиденного.

– Ваш клиент обвиняется в преднамеренном убийстве.

– Ни своим поведением, ни ответами на допросе мой клиент не давал для этого повода.

– Наша беседа была записана на магнитофон. – Ева поняла, что адвокат с Гнатюком слушали пленку. – Там ясно, что Покрышкин с гордостью признался в достоверности своих съемок.

– Уголовное дело заводится по факту, понимаете, по факту! Предположим, вы хотите обвинить моего клиента в убийстве Марины Улыбки. Тело кремировано, причина смерти указана в медицинском заключении, вывод – несчастный случай. Предположим, вы подозреваете, что все жертвы в фильмах моего клиента – реально убитые люди. Прекрасно. Я рад за вас, хотя и сомневаюсь в вашем здоровье. Но и здесь – все очень просто. Находите труп. Освидетельствуете. Протокол. Причина смерти, и так далее, и так далее. Ребята, ну не смешите меня, ладно, а то я напишу фельетон в газету. Это же редкий материал! Заводятся уголовные дела по каждому факту изображения смерти на киноплёнке. Начнем с эпопеи «Война и мир»!

– Но он сознался! – не выдержал Николаев.

– Извините, это решается в суде. Пока что он только сказал, что изображения смерти в его картинах так реальны, что даже актрисы в это верят! Я имею дела только с людьми искусства. Я знаю, как может до умопомрачения заиграться актер, у него от воображаемых кандалов появляются следы на запястьях! Искусство – это сила. Как, впрочем, и доказательства. К примеру, этот эпизод с вампиром, когда якобы умирает от укуса Марина Улыбка. Как вы это себе представляете? Стоит актриса, сзади нее партнер, который кусает ее и выпивает всю кровь? Перед камерой?

– Нет, – тихо ответила Ева, – я представляю это так. Снимается сцена с вампиром. Режиссер знает, почти наверняка знает, что будет сниматься натуральная смерть. Когда вампир «кусает» Марину, Марина, как ей положено по сценарию, стонет, закатывает глаза. Потом взгляд ее становится изумленным, она в растерянности что-то говорит, но это не записано. Оказывается, она говорит: «В чем дело, помогите, я умираю», или что-то в этом роде. Потому что именно в этот момент ее убивают. Длинным колющим предметом. Сзади в шею. Потом, когда сцена будет отснята, девушку положат на каминную решетку так, чтобы рана от лезвия совпала с пикой решетки.

– Минуточку, минуточку. Предположим, что я вам верю, только вы не сказали, кто он, этот злодей? Кто ее убивает?

– Тот, кто стоит сзади, кто незаметно для зрителя проткнул ей шею.

– То есть вампир? Но мой клиент никогда не играл вампиров! Он лирик, понимаете, это не его амплуа! Арестуйте, пожалуйста, этого злодея-вампира, то бишь актера, его играющего, докажите все это, и милости прошу – привлекайте моего клиента как свидетеля! А пока – извините...

– Семьдесят два часа, – спокойно и тихо сказала Ева. – За это время я вам найду любого вампира в этом городе. Потом предъявим обвинение.

Стас Покрышкин в камере был не один. Камера, можно сказать, была переполнена. Толстый полуголый бородач все время жевал резинку и ходил из угла в угол. Бледный, с синюшным цветом лица худой пожилой человек лежал на нарах вверху и слушал плеер, подергиваясь в такт. Мужчина помоложе – накачанные мускулы, хищное выражение лица – сидел под любителем музыки, гонял во рту спичку и улыбался. Но больше всего Стас удивился четвертому обитателю камеры, это был лысый и юркий мужичонка во фраке и спортивных штанах. Стас удивился не фраку, а просто посчитал до четырех, поскольку лежачих мест было именно столько, – четыре. Он был пятый.

– За что? – спросил тот, что с накачанными мускулами.

Стас уныло прислонился к двери, молчал и не двигался с места.

– Снимай ботинки! – заорал вдруг толстяк и дернул Стаса за ногу у колена.

Стас упал и очень быстро снял ботинки. Толстяк выдернул из элегантных итальянских ботинок стельки, осмотрел внимательно их изнутри, ощупал, пытался отодрать каблук, потом вздохнул и отшвырнул к двери.

– Ни за что. Ни за что, подозревают, – решил все-таки ответить Стас. – Ботинки хорошие... были... удобные, – он надевал ботинки, не сводя глаз с толстяка. – Ребята, я не хочу неприятностей, поэтому вот... – он стал выворачивать карманы. – Не знаю, почему, но меня не обыскивали.

Ребята с изумлением рассмотрели богатство, лежащее на полу у двери: перетянутые резинкой зеленые деньги мелкими купюрами, золотую зажигалку, одну запонку, тоже золотую, с дорогим камнем.

– Что, и ширнуться есть? – ожил даже бледный сверху.

Стас подумал, потом снял часы, поддел ногтем изнутри вторую специально сделанную крышечку, открыл ее и протянул часы, стараясь сдержать дрожь в руках.

– Не дышать! – крикнул накачанный, осторожно взял часы и высыпал белый порошок на край умывальника. Толстяк продолжал ходить по камере, не обращая внимания на происходящее, поэтому порошок поделили на три грядки. Синюшный осторожно погладил все еще сидящего на полу Стаса по голове и вытащил у него из кармана ручку. Раскрутил и забрал себе трубочку. Через эту трубочку все трое по очереди втянули в нос порошок.

– Просто Новый год, да и только, – тихо проронил бледный и медленно вернулся к себе наверх. – Даже как-то подозрительно...

– Меня зовут Кот, – сказал накачанный. – Я спросил тебя, ЗА ЧТО?

Стас натянул ботинки.

– Несчастный случай на производстве.

– Кто тебя взял?

– Как ее? Подождите... Забыл. Ева Николаевна.

– Понял. Это стрелялка.

– Не стрелялка, а апельсин, – густым и сочным голосом возразил толстяк, не останавливаясь.

– Мне что апельсин, что мандарин, – Кот уже говорил медленно, с трудом. – Я знаю, что она – стрелялка. – Кот решил показать пострадавшую ладонь, но рука не поднималась.

– Апельсин! – настойчиво повторил толстяк. – Она Прохора – раз! И замочила. Как только достанет апельсин, твоё дело – хана.

– Как это? – удивился Стас. – Как это – замочила?

– В лоб, посередине, один выстрел, – толстяк показал себе на переносицу, – на допросе. Вызывает на допрос, беседует, достает апельсин – и все.

– Откуда вы знаете?

– Информация номер один. Самая дорогая.

– И чего она меня тогда у кафе не проапельсинила? – медленно проговорил Кот. – Чушь все это...

– Она любит в камере. Один на один. Застрелила уже пятерых.

– Но такого не может быть!.. – Стас потерял ощущение реальности.

В двери лязгнул запор. Толстяк быстрым и неуловимым движением подмахнул с пола богатство Стаса.

– Покрышкин! К адвокату, – охранник подозрительно смотрел на толстяка.

– Почему вы меня в камеру, где всего четыре кровати? – спросил Стас у охранника в коридоре.

– Все занято. И потом, этот толстый придурок уже так три дня ходит, не сидит и не спит.

В комнате для свиданий Покрышкин вцепился в решетку руками, чтобы быть поближе к спасительным круглым стеклышкам очков, но его ударили по руке дубинкой. Адвокат не успел ничего сказать, как Стас стал орать что-то про апельсин. Минуты через две Стас перешел на хриплый шепот, потому что адвокат подтвердил информацию про Еву Курганову. Да, в данный момент относительно нее проводится служебное расследование, но Стас может не волноваться, его дело будет вести следователь Калина, женщина уравновешенная и без комплексов. Если через два дня Курганова не предоставит достаточно веских доказательств, после освобождения они подадут на нее жалобу.

– За два дня я умру, – вздохнул Стас. – За что я тебе деньги плачу?!

– Где твой оператор? – спросил адвокат.

Оператор Ангел Кумус ел грушу, обливая подбородок соком, и одновременно разглядывал журнал, принимая ванну в доме Стаса Покрышкина. Гулким ударом колокола кто-то звонил в дверь, но Ангел сначала доел грушу и только потом вылез из ванной. Голый и мокрый, оставляя блестящие следы на белом полу, он медленно подошел к двери.

– Пароль! – крикнул он что есть силы.

– Смерть вампирам! – закричала Ева с той стороны двери.

Ангел открыл дверь.

– Особь мужская, умеренно развитая, с плохо выраженными признаками пола, – констатировала Далила, разглядывая Ангела. Она охотно поехала с Евой и даже согласилась «немножко помочь».

Ангел обиделся, ушел в ванную и залез обратно в воду. Он слышал голоса женщин в комнате, но слов не понимал. Сердце у него застучало, он даже немного испугался, потому что Стаса не было, а этих красоток он видел впервые. Одна из них – шикарная блондинка – вошла в ванную с махровым халатом Стаса. Кумус удивленно поднялся. Его укутали, взяли на руки и вынесли в комнату.

– Как тебя зовут, дитячко? – спросила та, что с темными волосами.

– Ангел Кумус. Я свободный художник, – добавил он на всякий случай. Он смотрел только на желтоволосую, не отводя глаз. Она была на голову выше его.

Ангелу Кумусу исполнилось тридцать два года, небольшая плешь на макушке была почти незаметна, потому что Ангел зачесывал на нее длинные волосы, прежде чем собрать их сзади в хвостик. Русая бородка только подчеркивала строгие линии иконописного лица, глаза у него были серо-зеленые, с пушистыми ресницами. Халат Стаса был велик ему, Ангел поднял руки вверх, чтобы освободить ладони, и Ева сказала, что впору перекреститься.

- Пойдешь с нами? – спросила Далила.
- Пойду, – сказал Ангел. – Снимать будем?
- Будем снимать на природе.
- Так я возьму камеру?

Он взял камеру и пошел к двери в халате. Далила повернула его на девяносто градусов, отняла камеру и подтолкнула к кровати, у которой ворохом темнела его одежда. Поднимаясь по ступенькам, Ангел скинул халат. Халат оранжевой бабочкой распластался сзади. Ангел одевался быстро, оглядываясь на женщин, но наготы своей не замечал.

- Так ты более приемлем социально, – заметила Далила, когда он оделся.
- Это что, уже диагноз? – Ева укоризненно покачала головой.

Ангела Кумуса отвезли на дачу к Далиле, уложили в кровать, накрыли всеми имеющимися одеялами, сказали, чтобы писал в горшок, а на улицу не выходил. Завтра утром приедет Далила, накормит, напоит и протопит дом.

- А что там на улице? – поинтересовался Ангел.
- Страшный серый волк! – Далила сделала круглые глаза.

Ангел слышал, как отъезжала машина, фары мазнули ярким светом по окнам, потом наступила тишина. Ангел обошел дом, потрогал старые стулья и сундук, сел на кровать и покачался. Сетка заскрипела.

Он посмотрел под кровать и обнаружил початую бутылку водки. Обрадовался, достал ее и отпил как следует. После этого выключил свет, осторожно подошел к окну.

- В мокрой темноте неподвижно стояли деревья.
- Никакого волка там нет, – сказал Ангел.

- Как ты провела выходные? – спросила Далила.

Ева вела машину нервно, она поняла, что оператор им не помощник.

– Выходные... Черт знает, как я их провела... Такое впечатление, что все время спала, а сны были дурацкие. Но добрые, – решила она добавить ради справедливости. – Как ты думаешь, если мужчина говорит мне, что я – галлюцинация. Кто из нас ненормальный?

- Конечно, ты! – засмеялась Далила. – Ты еще и социально опасна.

– Я социально опасна, этот Ангел... Магнус... как там его, социально приемлем, когда одет. Ты можешь выражаться нормально?

– Ты создаешь вокруг себя определенную атмосферу. Мужчина, попадая в нее, перестает воспринимать реальность как таковую. Кто из вас ненормален? Если ты попадешь в туман и не будешь ничего видеть, это же не означает, что у тебя плохое зрение. Ты скажешь: «Какой туман!» Этим все и объяснишь. Ты навязываешь свое существование, человек ведет себя неадекватно в навязанной реальности. Кто из вас ненормален? Он – со своими естественными реакциями, или ты – насильница!

- Ладно тебе, успокойся. Ты сейчас как, сама по себе или в навязанной мною реальности?

– Ты очень притягательна. Но я буду бороться. Я должна быть сильней, и я буду сильней.

– Ты всегда на работе? Ну, в смысле, утром, вечером, ты все время классифицируешь, ставишь диагноз, да?

– Я люблю свою работу, хотя я плохой психоаналитик. И знаешь, что я заметила? – Далила повернулась к Еве, подогнув под себя ногу. – Настоящие, ну, природные психоанали-

тики, они, как правило, никогда не идут работать по этой специальности и очень редко идут обучаться этому ради диплома. Я знаю таких, я хочу тебе показать такую даму.

– Что мы будем делать с Ангелом небесным?

– У меня заболел ребенок. Завтра приедем с ним на дачу, посидим там пару дней втроем.

– А ты... Не боишься?

– Ангела Кумуса? Да он и мухи не обидит!

Вторник, 22 сентября, утро

В камере, где сидел Стас Покрышкин, на рассвете раздался страшный грохот. Стас сначала схватился руками за койку, опасаясь землетрясения, но потом разглядел в утренних сумерках на полу что-то огромное и бесформенное. Это пал неутомимый толстяк. До самого момента своего падения он ходил туда-сюда, не останавливаясь. Стас сел, стал кричать, он испугался, что ему придется оказывать помощь, он кричал: «Помогите кто-нибудь! Охрана!» – пока Кот не выдержал и не отпустил ему сверху по макушке звонкий и болезненный щелбан, обозвав придурком. После этого Стас замолчал и услышал мощный храп толстяка на полу.

Перед работой Ева решила заехать домой к оперуполномоченному Волкову, который заболел, проработав три дня.

Она заблудилась в районе новостроек, а когда наконец нашла нужный подъезд, с удивлением уставилась на «Жигули» Николаева, загородившие проезд.

Сам Николаев стоял у двери с номером 122 и озадаченно разглядывал свои ботинки.

Ева не сразу вышла из лифта, когда раскрылись двери, она смотрела на затылок Николаева. С каждой секундой ее промедления спина Николаева напрягалась.

– Спорим, что ты уже пушку нащупал? – тихо проговорила она.

Николаев расслабился, как только услышал ее голос.

– Это ты у нас недисциплинированная, в расследовании тебе можно не напрягаться. Я вот звоню, звоню, и ничего.

Вероятно, Волков услышал их голоса и открыл дверь. Он смотрел на них заспанный, взъерошенный и страшно изумленный. На нем была пижама и тапочки.

Николаев влетел к нему в квартиру вихрем, схватил с вешалки у двери куртку, бросил Волкову, крича, что время не ждет, срочно на задание!

– Какое задание, температура у меня. В воскресенье перетренировался.

– А в пятницу, в пятницу – как? Хорошо себя чувствовал?

– В пятницу... Ну да, я еще в субботу в футбол играл. Погоди. Мне надо брюки...

– Ничего тебе не надо, и так сойдет! – заявил Николаев.

– Да, – сказала Ева, – шарфик только повяжи, шапочку... вот так... умница!

– Ребята, – неуверенно смеясь, сопротивлялся Волков, – мы куда, ко мне врач сегодня придет.

– Да мы на полчаса, тут рядом, – приговаривал Николаев, вытаскивая его волоком на лестницу, потом в лифт, потом в машину.

Ева удивленно поехала за ними. Гнал Николаев быстро и зло. Ева уже боялась потерять их, но вдруг, когда они подъехали к пятьдесят второй больнице, поняла, что Николаев едет в морг.

Волков не понимал, куда его привезли, даже когда они прошли длинным коридором мимо каталок с накрытыми простынями телами. В холодильнике Николаев сказал, что привел главного свидетеля для опознания и что показывать надо в основном детей и женщин. Санитар удивленно посмотрел на Волкова.

– Это – родственник?

– Да. Он потомственный китаец.

Волкову показали четырех детей, трех мальчиков и девочку лет пяти. Когда перешли к застреленным женщинам, Волков потерял способность быстро двигаться, и Николаев тащил его от стола к столу волоком, восклицая:

– И эту не узнаешь? И эту? А вот эту узнаешь? Нет? Удивительно! А вот эту, действительно, трудно узнать... лица почти нет, но, может, по родимым пятнам?

– Что... это? – спрашивал плохо двигающимися губами Волков. – За-зачем это тут? Ева вышла на улицу. Похолодало. Она вдруг вспомнила про Ангела Кумуса, как он там, бедный, с такой шикарной Далилой? Хорошо им там, чертям...

Николаев выволок Волкова, прислонил к стене. Опер уже не сдерживал рвотные потуги, но, видимо, позавтракать он не успел.

– Тебе Коля передал для меня записку? – спросил Николаев.

– Ка-какой Коля? – глаза опера были безумными.

– Коля, китаец, – ласково и медленно пояснил Николаев.

– А... да... Передал! Да, конечно... Ты тогда уехал. Я все записал.

– Где она?

– Кто... она?

– Где записка, которую тебе продиктовал Коля, которую ты должен был мне передать немедленно, как только меня увидишь?!

– Да... где она? А! Она у тебя на столе, под телефоном.

– А что там написано? – Николаев говорил уже почти по слогам.

– Там? Там много чего написано. Сейчас вспомню. Я понимаю, вам некогда съездить и почитать... сейчас... что-то вроде: сделано двадцать две выездные визы. Плохая подмена будет с автобусом туристов. Туристов... В воскресенье. Еще тебе звонил из автосервиса Гаврюшин...

– Хватит. Тебе сказал Коля, что это важно?

– Говорил. Он улыбался, как заяц такой страшный, и говорил «жизни и смерти», «жизни и смерти». А!.. Я понял, – Волков оттолкнулся от стены и достал носовой платок. – Я не передал тебе вовремя записку, поэтому ты злишься... Только и всего? Ну вы, ребята, даете!

– Ничего ты не понял. Разве я злюсь? Ты еще не видел, куда я отвожу таких идиотов, как ты, когда злюсь! Нет, я не злюсь! – заорал Николаев и пнул ногой мусорный контейнер. – Я просто тебе показал, что ты наделал. Ты куда работать пришел? Мы же трупники!

– Ладно, хватит орать. Ну забыл я про эту дурацкую записку, ты же в тот день ввалился с задержания, столько шуму было! Подумаешь, перестреляли каких-то китайцев, и что такого, это их разборки, меньше преступности узкоглазой будет!

– Нет, ты видела, видела!?! – закричал Николаев Еве. – Я его пальцем не тронул, этого сруна! Ты видела, я с ним говорил по-хорошему!

– Николаев, брось, тут дело гиблое! – махнула рукой Ева.

Но Николаев не сдержался и от души заехал Волкову под ребра кулаком. Потом схватил его за шкуру и затолкал в машину.

Он развернулся с визгом и скрежетом тормозов. Остановился и сказал Еве в окошко:

– Отвезу, болезного, домой, у него насморк, температура, он в футбол переиграл.

– Не имеете права! – кричал Волков, стараясь разглядеть Еву. – Я напишу на вас рапорт!

– Я так думаю, – сказал на это Николаев. – Если я его каждое утро перед работой буду привозить сюда на опоздание, то он постепенно перестанет блевать и научится соображать. Недели хватит, как думаешь?

В Управлении адвокат Стаса Покрышкина вывалил перед Евой такой ворох бумаг и предписаний, что ее внутреннее ликование по поводу похищения Ангела Кумуса сразу исчезло. С задержанием Стаса, оказывается, она нарушила по крайней мере штук пять статей УПК. Сам адвокат был бодр, хорошо выбрит и причесан, с безупречным маникюром и такой бешеной злобой по поводу ее опоздания на работу, что Еве впору было прикрыть руками голову и просить пощады.

Она же сгребла бумаги в кучу, выслушав сказанные сквозь зубы пожелания адвоката, ойкнула и побежала за ним.

– А вот тут мне не совсем понятно... Почему это я не имела права задержать его после нашей беседы?

– Он был без адвоката!

– Но он сам пришел, не бегите так, я не успеваю, вы такой хороший специалист, объясните...

Адвокат купился, стал объяснять, какой именно пункт, и как именно Ева нарушила, и как он привлечет ее к ответственности.

– Я такая тупая. Извините, но подозреваемый сам отказался от вашей помощи, подчеркивая тем самым, что ему нечего бояться и скрывать.

Адвокат пустился в длительные и пространные рассуждения, и Ева поняла, что перестаралась. Она подробно рассмотрела его серый костюм, белую рубашку, жилетку бежевого цвета и золотую цепочку карманных часов. Дойдя до светло-коричневых ботинок с приспущенными на них штанинами, Ева поняла, что навряд ли увидит носки, и решила об этом спросить. Просто, чтобы представить раз и навсегда стиль одежды престижного адвоката, а цвет носков играл в этом вопросе важную роль.

– Извините за любопытство, а какого цвета у вас носки?

– Что? Как вы сказали?

– Ну понимаете, когда я приехала в отдел, я не просто так опоздала, я занималась с утра воспитательной работой и посещала морг. Одновременно. А вы так на меня наорали, потому что опаздывали куда-то на полчаса. На те самые полчаса, в течение которых я и проводила воспитательную работу. Теперь вы уже двадцать пять минут читаете лекцию по адвокатуре и, как видно, совершенно никуда не торопитесь, а я в это время пытаюсь определить для себя ваш стиль одежды. Мне в этом определении не хватает только цвета ваших носков, потому что если они у вас черные, то это полное отсутствие вкуса и стиля как такового, а вот если они белые, то это совсем другое дело.

Адвокат справился к этому моменту со своим лицом и с рефлекторным желанием приподнять штанины и показать носки. С ледяным спокойствием, стараясь не сорваться на виду у сотрудников отдела, которые, оказывается, собрались вокруг и теперь едва сдерживают хохот, он развернулся и с достоинством удалился.

– Ева опять танцует джаз, – это был самый приятный отзыв о ее беседе с адвокатом. И принадлежал он Симакову, грустному меланхолику из отдела по розыску пропавших.

– Только ты, Симаков, меня и понимаешь!

– Я тебя уважаю, – сказал Симаков серьезно. – Ты борешься не с преступностью, ты замахнулась на систему. Я бы тебя пожалел, да, боюсь, не поймешь. Но я выполнил твою просьбу и принес все, что нашел.

Симаков отобрал почти двадцать дел с неопознанными и неостребованными телами умерших молодых девушек за последние два года.

– Интересная тенденция. Смотри, два года назад вот эти девушки, практически не изуродованные, смерть от проникновения тонкого колющего предмета, обнаруживались в морге. В одном и том же. Четыре девушки. Я почему еще запомнил, у нас как раз тогда в другом морге стали пропадать тела, понимаешь, а тут, наоборот, кто-то подбрасывает. Раз в неделю – подкидыш.

– Я не помню такого.

– У вас это дело о пропажах вел крепенький такой. Стриженный.

– Да-да, что-то припоминаю.

– Я еще пошутил, чтобы он подкидышей перетасил в тот морг, из которого пропадают, и дело в шляпе. Но у него пропадали мужики.

– Девушек опознали?

– В том-то и дело, что нет. А у Лаврова из Сокольнического в том году несколько девушек не доехали в Турцию на легкие заработки. Контракт подписали, а не приехали. И заявили о пропаже не родители, что интересно, а фирма, пригласившая их, расшумелась. А родители только посмеивались. Лавров одного отца разговорил. Тот объяснил, что его дочь и подруга не дуры, в Турцию только доедут, а там постараются сбежать к проживающим в Стамбуле подружкам, потому что все эти фирмы так дешево могут устроить только в публичный дом. Значит, сбегут. И напишут погодя, что и как. Лавров эти фотографии показал, двоих опознали. Тогда так и решили, что девушки были убиты за нарушение контракта. Я думаю, что родители двоих других до сих пор ждут писем из Стамбула.

– А эти...

– Этих опознать, как видишь, трудно. Вот здесь, смотри, кто-то просто анатомию изучал, не иначе. Так аккуратно разделаны, почти все органы целы, но вроде их пытались извлечь наружу. Все в возрасте до тридцати.

– Слушай, Симаков. В обычной квартире можно так разделить, чтобы потом все убрать?

– Сомнительно. Ну, если пол и потолок – кафель. Были случаи, когда хватает и ванной. Расчлениют и выносят, никто ничего не замечает, но вот разделить так подробно и качественно... Как в анатомичке.

– Еще вопрос. Где в Москве можно достать кровь?

– В пункте переливания. Иди и купи.

– Так просто?

– Ну, не очень просто. Предположим, несчастный случай, человек на операционном столе, а крови его группы нет. Ты – родственник, у больницы – ни денег, ни машин, ты садишься в свою тачку, гонишь на пункт, платишь деньги и привозишь кровь или донора.

– А можно иногда приходиться и покупать по стаканчику?

– Вроде как на опохмелку?

– Нет, для искусства.

– Я тебя, Ева, уважаю, за то, что ты борешься не с преступностью...

– А за то, что я замахнулась на систему! Ну и что?

– Я ради тебя могу даже и на пункт переливания крови позвонить и сказать, что у меня кончилась красная краска, а мне надо дорисовать закат, не продадут ли они немножко крови?..

– Спасибо тебе, Симаков!

Приехавший в Управление Николаев написал рапорт на оперуполномоченного Волкова, а Волков уже позвонил Гнатюку и доложил о противоправном поведении его коллег – Николаева и Кургановой. Гнатюк вызвал нарушителей к себе.

– Для начала я хочу знать, как обстоят дела у Кургановой с несчастным случаем на киностудии, а у Николаева с китайцами?

– Мне нужно допросить оператора, работавшего с Покрышкиным. Для полной ясности неплохо бы провести психологическую экспертизу, прошу написать запрос на психоаналитика. Вот моя докладная об этом.

– Вы нашли Кумуса? – спросил Гнатюк с удивлением, да еще с ходу произнес незнакомую фамилию. Ева сразу поняла, что адвокат Покрышкина достает его с утра. Она потупила глаза и сказала, что пока работает над этим.

– А у меня ничего нового, – вздохнул Николаев. – О записке осведомителя я написал все в докладной, версия такая: через нашу страну китайцы переправляются в Европу, именно у нас для них делают документы, нелегально оформляют визы, помогают перекачать капитал, все это за огромные деньги. Документы такого отличного качества, что я тут подумал – они настоящие! Просто они взяты у других китайских граждан. Ну, к примеру, расстрел автобуса. На мой запрос предоставить документы убитых не поступило никакого вразумительного ответа: доку-

менты пропали. Кто-то расстрелял автобус, ничего не взял, кроме документов, это же бред, убить из-за паспортов, но чего не бывает...

– Ваш осведомитель. Что с ним? Встречались?

– Он пропал. Я думаю, он уже не появится, он мне больше не верит.

– Лирика, – сказал на это Гнатюк. – Организуй розыск, он-то живет здесь официально!

– Слушаюсь.

– А теперь по поводу ваших воспитательных методов. Садитесь. Ваш номер с моргом мне понравился. Я вам расскажу, как меня приучал к дисциплине мой начальник в... каком же это году?..

Вторник, 22 сентября, вечер

Ева с Николаевым обедали в маленьком кафе рядом с Управлением поздно, часа в три. Ева надеялась к четверем уже удрать на дачу к Далиле и Кумусу, но Николаев позвал ее на допрос Кота. Ева купила в буфете апельсин.

Допрос проходил в кабинете следователя Калины Татьяны Дмитриевны, женщины без комплексов, как сказал о ней адвокат Покрышкина. Николаев и Ева пришли первыми, светливая Татьяна Дмитриевна, запыхавшись, открыла кабинет и строго посмотрела на колени Евы.

– У вас юбка не по уставу, – фыркнула она.

Ева закатила глаза вверх, Николаев скучно посмотрел на ее юбку.

– Вроде в норме, – задумчиво возразил он.

– Это у меня в норме, можете измерить, а у Кургановой совсем не в норме!

– Придется отложить, – вздохнул Николаев.

– Чего отложить?

– Допрос придется отложить, юбка – это дело серьезное.

– Вам все шуточки, а я люблю, чтоб все было правильно. Допрос веду я, влезете – удалю, – пригрозила Калина и, шевеля губами, стала читать дело Кота.

Николаев посмотрел на Еву, хотел сделать ей знак выйти на минутку, но вдруг заметил, что Ева напряженно о чем-то думает.

Татьяна Дмитриевна была женщина плотная, невысокая, с напряженными чертами лица – словно всегда в ожидании неприятного вопроса или зубной боли. Она никак не могла привыкнуть к тому новому, что происходило в стране и в отделе, защищалась строгой дисциплиной, полным отсутствием юмора и его понимания. Рядом с современным телефоном с автоответчиком и органайзером на ее столе стоял гордый красноармеец в буденовке и с винтовкой, которая устремлялась вверх длинным и острым бронзовым штыком. И еще – небольшой темный бюст Ленина, прижимающий несколько необходимых бумажек.

Кот и два охранника пришли минут через пять. Ева все так же напряженно смотрела в пол, задумчиво перебрасывая из руки в руку апельсин.

Кот сначала увидел следователя Калину, он процедил сквозь зубы приветствие и уже сажился на стул, когда Николаев чуть отошел в сторону и перестал загораживать Еву. Кот повернулся на движение, ноги его так и остались чуть согнутыми, он с ужасом смотрел на руки Евы Николаевны.

– Садитесь, задержанный, наш допрос записывается на пленку, говорите ясно и внятно. Вы захватили заложника в кафе числа... минуточку... неразборчиво, какое это число? – спросила Калина у Николаева, Николаев шагнул к столу, а Ева шагнула к Коту.

Кот закричал и бросился к двери. Охранники с трудом усадили его, еще раз проверив наручники.

Ева расковыряла у апельсина верхушку и теперь засовывала туда палец, медленно и осторожно. Она села рядом со следователем Калиной, но чуть сзади, так что та ее не видела.

– Подследственный здоров? – поинтересовалась Калина. В кабинете повисла тишина. Только шумно дышал Кот, не сводя глаз с Евы. – Здоров, – сказала Калина, не дождавшись ответа. – Ответьте, с какой целью вы захватили заложника?

Кот немного успокоился. Ева вытащила палец из апельсина и облизала его.

– С целью спасения его жизни.

– Его жизни угрожали?

– Да.

– Кто угрожал жизни заложника?

– Милиционеры. Гаишники, – пояснил Кот доверительно, уже почти успокоившись и оторвавшись взглядом от Евы. – Они меня увидели и давай палить, а этот мужичок, такой пьяненький, бегать быстро не умеет, я его и прихватил, чтоб не убили ненароком.

– Почему сотрудники ГАИ стали в вас стрелять? – Калина наклонилась пониже над листьями и скрыла зевок. – Что вы делали в кафе?

– Ну, ладно. Это я стал стрелять. Первый, ваша взяла. А потому, что испугался!

Ева сунула теперь палец в апельсин быстро и резко. По ее руке потек сок. Она медленно достала палец и опять облизала его. Калина заметила, что Кот все время смотрит куда-то в сторону, повернулась к Еве. Та протянула ей апельсин. Калина отказалась.

– Значит, вы испугались. Чего вы испугались?

– Ну... я испугался, что они нечаянно пристрелят пьяного.

– Подследственный, не путайте меня... Вы стали стрелять по милиционерам, потому что испугались их, забежали в кафе и там взяли заложника. Отвечайте на вопрос, почему вы стали стрелять в милиционеров?

– Ну... я... – он не мог оторвать взгляда от рук Евы, Ева ритмично засовывала и вынимала палец из апельсина. – Я, знаете, я подумал, вдруг я что-нибудь такое натворил, а они хотят меня за это убить. Ну, может, я банк ограбил когда-нибудь?

– Вы грабили банк? Когда, какой?

– Я не знаю, верней, не помню, это вы должны сказать мне, когда и какой, а я должен отпираться.

Ева подняла апельсин вверх и стала выжимать сок на высунутый язык. Николаев не выдержал. Он сделал знак Калине, что ему надо выйти. Открыв дверь, он позвал Еву. Ева встала, положила апельсин на стул и медленно прошла мимо Кота. Кот старался не упустить ни одного ее движения, Ева с удовольствием отметила, что страх у него прошел полностью.

– Слушай, – сказал ей Николаев в коридоре, – у тебя проблемы, и я готов тебе помочь. Немедленно, – добавил он, подумав.

– Каким образом?

– Пойдем ко мне, – он потащил ее за руку. Ева освободилась.

– В чем у меня проблемы?

– Прямо здесь показать? Пойдем ко мне в кабинет, здесь это неудобно.

– А почему ты решил, что у меня проблемы? – Ева говорила, словно задумавшись о чем-то своем.

– Да ты так оттрахала апельсин, что я решил немедленно тебе помочь!

– Ах, это! Слушай, Николаев, ты знаешь, как положить ценность в банк?

– Какую ценность?

– Портфель, например, футляр.

– Нет, не знаю. Лучше объясни, что это ты делала с апельсином?

– Николаев, включись, надо срочно узнать, выдают ли в банке такой маленький ключик, если ты у них арендуешь сейф, понял?

– У Кота был такой ключ! – обрадовался Николаев и тут же забыл про апельсин.

– У тебя есть отпечатки пальцев Слоника, а Кот проговорился про портфель. В портфеле должно быть оружие, на нем могут быть пальцы Слоника, это уже, считай, готовое дело.

– А если там нет пальцев?

– Тогда мы не слезем с Кота, пока он не подпишет, что это оружие Слоника. Тот самый портфель, с которым был Слоник, когда убивал Карпатого.

– И все-таки с тобой что-то не так, – сообщил Николаев, уже убегая.

– Да мне просто надо на природу, расслабиться.

На станции Капотня ни души. Только у закрытого магазина сидела еще не старая женщина на маленьком раскладном стульчике. Она читала толстую книгу и продавала астры. Астры, темно-фиолетовые и ослепительно белые, полыхали у ее ног удивительным пятном. Ева смотрела на цветы из машины и вдруг почувствовала, что это уже было. Она уже видела что-то похожее, хотя могла поклясться, что никогда не была здесь, никогда не покупала таких фиолетовых астр поздней осенью в дачном поселке.

Когда-то учительница рассказала Еве про вторую память, она боялась такого, она думала, что это воспоминание человека о его прошлой жизни, несколько смертей назад, когда он жил совсем по-другому, был другим, но однажды попал в беду в присутствии этих самых предметов, в такой же обстановке. Теперь они словно напоминают о чем-то. «А может быть, говорила учительница, это «дежа вю» – предупреждение тебе, берегись и опасайся таких мест, где что-то покажется тебе уже случившимся».

Женщина посмотрела на Еву через площадь. Потом она встала и свернула свой стул, взяла ведро и тяжелой поступью, зажав книгу под мышкой, пошла мимо. Ева окликнула ее и купила все фиолетовые астры.

– Возьмите и белые, они так пахнут, – сказала женщина, – никакие цветы так не пахнут, как эти белые, видите, у них желтоватая серединка, только намек на цвет. Такой запах.

Ева понюхала белые астры.

– Нет, – сказала она, – не люблю белый цвет.

В доме номер пять по улице Березовой царило веселье. Довольно упитанный светловолосый мальчик лет шести визжал и прыгал, держась за спинку стула, Ангел Кумус играл на губной гармошке еврейские мотивы, а Далила сопровождала его ударными – она вдохновенно лупила по дну перевернутого ведра.

Ева бросила куртку и цветы на пол и пошла, прихлопывая в ладоши, вокруг стула с мальчиком. Далила бросила ведро и, сдернув со стола скатерть, укуталась ею и изобразила страстные переживания в танце.

– Танцуют все! Танцуют все! – кричал мальчик и прыгал, взметая легкие желтые кудряшки.

– А я... люблю... белые астры, – сказала Далила, запыхавшись окончательно и упав на диван.

– А что это у вас такая странная музыка? Национальная?

Ангел промолчал и убрал гармошку.

Он быстро и умело накрыл на стол, а когда все поели, так же быстро все убрал.

– Ну, как наши успехи? – спросила Ева на кухне.

Далила мыла посуду, Ева стояла рядом и ошипывала листочки со стеблей астр.

– Полная расслабуха, – вздохнула Далила, – отдыхаем.

– И что, он все это время так и молчит? Ничего себе расслабуха.

– Нет, это он к тебе привыкает. Он и с нами сначала молчал, потом говорил без остановки. Я записала две кассеты. Он не знает, что я его пишу, но знает о моей профессии. Такое впечатление, что жил сначала с родителями, потом с психиатрами, потом с Покрышкиным. Все. Больше ничего и никого в его жизни не было. Все остальное – творчество.

– Интересная история, – Ева усмехнулась. – Пошли общаться?

– Пошли.

Сначала Ангел Кумус сказал, что у Евы есть все шансы играть у Стаса.

– Играть и выигрывать?

– У Стаса не выиграешь. Но он хороший, добрый и умный. Он плохо понимает жизнь, поэтому стал ее делать сам.

– Ангел, – Далила выключила свет, зажгла свечи и села с сыном на диване. Маленький Кеша засыпал, – разве можно самому делать жизнь?

– Только это и интересно! – оживился Ангел.

– Но ведь жизнь сопротивляется! Она делает что-то свое.

– Надо быть независимым, богатым и свободным. И все. Ничего жизнь с тобой не сделает.

– Ангел, но ты можешь заболеть, попасть в беду, под машину...

– Это не жизнь, это судьба, а я говорю про жизнь. Мне нравится жизнь, которую делает Стас, мне там хорошо.

– Тебе хорошо в его квартире? – спросила Ева.

– В какой квартире? А... Нет, ты не про то. **ВЫ НЕ ПОНИМАЕТЕ.**

– Я тебя понимаю, Ангел, – Далила стала говорить совсем тихо, и Ева поняла, что Кеша заснул. – Но как ты определяешь, что настоящее, а что сделано?

– Где мне хорошо, там и настоящее.

– Так не бывает! – возразила Ева. – Я не понимаю, объясни. Предположим, я прихожу в кино, подхожу к экрану, шагаю в него и оказываюсь в фильме. Например, про ковбоев. Скачу, стреляю, я самая меткая, самая красивая, я лучше всех, но потом на экране напишут «конец», куда я денусь?

– Ты, наверное, хорошо стреляешь? – спросил Кумус.

– Есть такой грех, – смутилась Ева и засмеялась. – Ловко ты меня поймал!

– Почему ты хорошо стреляешь? Я никогда в жизни не стрелял. Почему ты стала стрелять?

– Черт его знает почему. А действительно, почему я на первом курсе стала ходить в тир? А потом на стрельбища и на соревнования? Далила, ты как думаешь?

– Сложно ответить сразу. Надо как следует покопаться в твоём детстве. Это может быть ужасная обида на кого-то или что-то или постоянное преклонение окружающих перед красотой маленькой девочки, вот она и решает быть не только красивой, но в чем-то особенно важным превосходить мужчин. Хотя, честно говоря, твой случай особый.

– Мне все равно, была она красивой или ее кто-то обидел. Она взяла оружие и научилась стрелять, то есть она придумала себе свой мир и стала в нем жить.

– Bravo, Ангел, – сказала Ева. – Ты знаешь, что Стас считает тебя чокнутым, а я в жизни не видела более разумного мужчины.

– Я не мужчина, – усмехнулся Ангел. – Я – услуга. И я неразумен, потому что я – не личность. Ты мне понравилась, я готов жить с тобой, учиться стрелять, скакать на лошади. Если мне предложат что-то более интересное, я пойду туда. Я ничего никому не могу предложить сам. Я только умею защищаться, и то совсем немножко, если мне человек ну совсем не понравится. Вот Далила... она такая смелая, неотразимая, у нее хороший дом, я могу побыть немного ее мужем, если она захочет, или просто пожить здесь сторожем, или посмотреть за ее малышом, пока мне это будет интересно. Но я ее боюсь, – закончил вдруг Ангел.

– А меня ты не боишься? – спросила Ева.

– Нет... Нет. Но ты не фантазерка. Ты любишь действительность. Я с тобой просто не останусь, мне неинтересно.

– Ладно, Ангел, но и у тебя что-то есть, не может не быть эдакого... интересенького. Чего-то, что можешь предложить и ты. Ну хотя бы немного поиграть...

– У меня ничего такого нет.

– Тогда расскажи, как ты участвовал в жизни других, с кем тебе было интересно?

– Зачем?

– Ну, я хочу знать. Например, я подозреваю Стаса в нехороших делах, а может оказаться, что это просто мои измышления, а для тебя с ним – игра. Стас знает, что я его подозреваю, и

обороняется, что-то скрывает, придумывает, а ты можешь все рассказать просто и ясно. Окажется, что он ни в чем не виноват.

– И тогда ты отпустишь Стаса?

– А кто тебе сказал, что я его не отпускаю?

– Далила.

– Да, я это сказала, чтобы Ангел не порывался каждые десять минут идти на станцию звонить Стасу.

– Я тебя немного боюсь... тоже. Ты, Ева, словно спешишь очень, меня это настораживает.

И еще я хочу выпить. Можно?

Он смотрел на Еву, Далила показала Еве знаками, что нельзя.

– Слушай, Ангел, – Ева встала и потянулась, – давай наклюкаемся вместе, я тоже хочу выпить, но потом, сначала я тебе кое-что покажу.

Ева подошла к печке и осмотрела поленья. Выбрала одно, не очень толстое, и подозвала Ангела.

– Если я возьму эту деревяшку, обстругаю ее топором со всех сторон, чтобы она стала такой большой щепкой.

– Ты хочешь сделать кол.

– Я хочу проткнуть этим колом вампира, чтобы уничтожить его.

– Ничего у тебя не получится, потому что это – не осина.

– А что это?

– Липа.

– Липа? А откуда ты знаешь?

– Я сделал себе один кол. На всякий случай. Я специально узнал, как выглядит осина, сам выстругал и теперь храню.

– Зачем это?

– У Стаса всегда полно вампиров. Если тебя укусит вампир, ты тоже станешь вампиром, когда умрешь. Правда, есть еще один способ. Можно отнести укушенного мертвеца в церковь. Если он там пролежит девять дней, его можно спокойно хоронить. Он не встанет.

– Где сейчас найти такую церковь, чтобы там спокойно уложить покойника на девять дней?

– Не обязательно церковь. Сейчас церкви может и не быть, но место осталось, – это святое место. Раньше на каждом кладбище была церковь, надо только точно узнать где...

– Слушай, если Стас всегда с вампирами, то куда он девал укушенных?

– Иногда я ему помогал их прятать. Потом он сказал, что я делаю это неправильно, не мое это дело...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.